НИКОЛАЙ ГРОТЪ.

СНОВИДѢНІЯ,

КАКЪ ПРЕДМЕТЪ НАУЧНАГО АНАЛИЗА.

КІЕВЪ.

Типографія М. П. Фрица, Большая Владимірская улица, возлѣ пам. св. Ирины собств. домъ.

1878.

Печатано по опредѣленію Конференціи Истор.-филологич. института князя Безбородко.

(Извлеч. изъ «Изв. Ист.-филолог. инст. кн. Безбородко въ Нѣжинѣ» за 1878 г.).

БИБЛІОТЕКА
СОЦІАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ
3776
24

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

Напечатано	Вмѣсто	Страница	Строка	
наукѣ	науки	3	3	снизу
οἱ γίνεται	οὐ γίνεται	5	4	— (прим.).
выводитъ	выводить	8	7	сверху
полипы)	(полипы)	11	22	—
превращается	превращаются	16	15	снизу
Büchsenscsütz	Büchsenschütz	18	10	— (прим.).
seele	Seele	18	5	— (прим.).
заостренная	изощренная	22	23	сверху
чуственнымъ	чувственнымъ	27	15	—
cedé	cédé	27	3	снизу (прим.)
локкализаціи	локализаціи	43	9	—
выражетъ	выражаетъ	52	6	—
vorschaunde	vorschauende	52	4	—
то же	тоже	55	19	сверху
облелись	облеклись	61	16	снизу
Abecrombie	Abercrombie	61	3	—
моментъ	момента	64	16	сверху
ногу	ногою	66	19	—

СНОВИДѢНІЯ,

КАКЪ ПРЕДМЕТЪ НАУЧНАГО АНАЛИЗА.

(Рѣчь, произнесенная на годичномъ актѣ Историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ, 30 Августа 1877 г., и. д. профессора философіи Н. Я. Гротомъ.)

Мм. Гг.

Законъ постепенности есть общій законъ развитія. Какъ въ общественной жизни народа постановка того или другого вопроса, осуществленіе какого либо преобразованія зависятъ нестолько отъ произвола государственныхъ дѣятелей, управляющихъ страною, сколько отъ естественнаго хода событій, постепенно выдвигающаго на очередь тѣ или другія стороны общественнаго быта, такъ и во всѣхъ другихъ, болѣе тѣсныхъ или еще болѣе широкихъ, сферахъ человѣческой дѣятельности порядокъ отдѣльныхъ моментовъ въ большей мѣрѣ зависитъ отъ сложнаго взаимодѣйствія неодушевленныхъ фактовъ, чѣмъ отъ сознательнаго почина одушевленныхъ дѣятелей.

Въ *наукѣ*, которая представляетъ продуктъ самой сложной дѣятельности человѣка, законъ постепенности сказывается съ особенною силой. Въ вопросахъ, ею предъявляемыхъ и разрѣшаемыхъ, мы видимъ правильную смѣну, которую ученый не только не можетъ нарушить, но часто даже не въ состояніи объяснить. Поэтому въ каждой ея области есть вопросы, надъ которыми тысячи умовъ работали втеченіи многихъ столѣтій, сознавая ихъ важность и не будучи однакоже въ силахъ поставить ихъ на правильную почву.

На одномъ изъ такихъ вопросовъ въ области *психологіи*, т. е. наукѣ о психическихъ отправленіяхъ человѣка, я намѣренъ остановить благосклонное вниманіе Ваше, м. г. Одинъ изъ самыхъ туманныхъ феноменовъ нашей духовной жизни есть феноменъ *сновидѣній*. Такъ какъ

вопросъ о происхожденіи и значеніи сновъ представляетъ живой интересъ для каждаго мыслящаго человѣка и въ тоже время наблюденіе и оцѣнка этой группы явленій по преимуществу отличаются общедоступностью, то я и позволилъ себѣ предпочесть для публичной бесѣды эту тему всѣмъ другимъ любопытнымъ психологическимъ темамъ.

Вопросъ о сновидѣніяхъ находится въ неразрывной связи съ вопросомъ о значеніи *сна* въ нашемъ обиходѣ; поэтому мы должны спросить себя прежде всего: какую спеціальную задачу выполняетъ сонъ въ существованіи организма?

Біологія прочно установила дѣленіе отправленій этого послѣдняго на двѣ главныя группы. Одну она называетъ *животною:* это тѣ функціи, которыя составляютъ собственное содержаніе и настоящій смыслъ *жизни;* сюда относятся всѣ процессы организма, связанные съ нашими движеніями и стремленіями, воспріятіями и аффектами, т. е. съ нашей дѣятельностью и воспріимчивостью вообще. Животныя отправленія составляютъ исключительно статью расхода нашихъ силъ. Для восполненія этого расхода необходимо нуженъ другой рядъ отправленій, который бы возобновлялъ потраченныя ткани организма. Такой рядъ отправленій дѣйствительно существуетъ и называется *растительнымъ*: сюда относятся питаніе, дыханіе, кровообращеніе и т. д. Благодаря взаимодѣйствію и правильной смѣнѣ этого двойнаго ряда процессовъ, мы всегда въ состояніи тратить *проценты* съ того капитала силъ, который называется организмомъ, такъ какъ эти проценты постоянно вновь нарастаютъ при помощи растительныхъ функцій. Вся задача наша только въ томъ, чтобъ расходъ соразмѣрять съ приходомъ и, по возможности, не позволять себѣ трогать драгоцѣннаго и трудно возобновимаго капитала.

Предположеніе, что контрастъ бдѣнія и сна соотвѣтствуетъ контрасту животной и растительной жизни организма, возникало въ умѣ многихъ изслѣдователей [1]), и мы не можемъ отрицать по крайней мѣрѣ того факта, что во снѣ растительная жизнь беретъ перевѣсъ надъ животною [2]), на яву на оборотъ.

---

[1]) ср. Volkmann, Lehrbuch d. Psychol. 1875, B. I, p. 392, anm. 3. Macnish въ Philosophy of Sleep, p. 12, говоритъ прямо: Sleep is the suspension of animal life, and during its continuance the creature is under the influence of organic life *alone*. Ср. также Perty, Myst, Ersch. d. menschl. Natur, B. I, p. 67: Steigt man im Thierreiche aufwärts, so findet man, dass der Gegensatz von Schlaf und Wachen um so stärker und ausgeprägter ist, um so regelmässiger wiederkehrt, je differenter sich das animale und vegetative Nervensystem ausgebildet haben.

[2]) О физіологическомъ значеніи сна ср. подробнѣе Carpenter, Mental physiology, 1876 p. 568.

Чтобъ убѣдиться въ этомъ, достаточно сравнить съ одной стороны свѣжесть только что пробужденнаго человѣка съ утомленіемъ засыпающаго, затѣмъ духовную энергію бодрствующаго съ духовной немощью спящаго. Но если днемъ организмъ нашъ совершаетъ по преимуществу такъ называемыя животныя отправленія, ночью, т. е. во снѣ, растительныя, то все таки и на яву *продолжается*, *начинается* или *заканчивается* обновленіе нашихъ тканей—въ формѣ принятія пищи и питія, процессовъ дыханія, кровообращенія и т. д., точно также во снѣ *продолжаются* или *зарождаются* постепенно тѣ воспріятія, мысли, чувства и желанія, которыя составляютъ содержаніе духовной жизни во время бдѣнія Эти *продолжающіеся* или *начинающіеся проблески сознанія во снѣ* и составляютъ тотъ феноменъ, который называется *сновидѣніемъ*.

Изъ такого опредѣленія какъ будто бы вытекаетъ, что сновидѣнія составляютъ *спорадическое* явленіе во снѣ и отнюдь не сопровождаютъ его съ неизбѣжностью Между тѣмъ предположеніе это раздѣляютъ далеко не всѣ психологи, а потому второй вопросъ, который намъ предстоитъ рѣшить, состоитъ въ томъ, на сколько неизбѣжна и неразрывна связь, соединяющая состояніе сна съ явленіемъ сновидѣній, или вопросъ о возможности или невозможности сна *безъ сновидѣній*.

Древніе мыслители склонялись по большей части къ предположенію, что сонъ безъ сновидѣній возможенъ Геродотъ и Плутархъ приводятъ примѣры въ подтвержденіе этой мысли, а Аристотель прямо указываетъ на тѣ случаи, когда сновидѣнія отсутствуютъ [1]), и даже говоритъ о людяхъ, которые никогда втеченіи своей жизни не грезятъ во снѣ [2]). Въ исторіи новой философіи мы видимъ наоборотъ преобладаніе убѣжденія въ невозможности сна безъ сновидѣній. Основаніе этому убѣжденію положилъ Декартъ, по мнѣнію котораго сущность мысли состоитъ въ томъ, чтобъ дѣйствовать непрерывно. Спящая душа, спящая мысль, т. е. мысль немыслящая—contradictio in adjecto, значитъ сновидѣнія, какъ проблески мысли во снѣ, должны продолжаться безъ перерыва. Того же взгляда держался Лейбницъ, затѣмъ Кантъ, который говорилъ, что безъ той внутренней движущей силы, которая сказывается въ

---

[1]) Aristot. Περὶ ἐνυπνίων Op. I. 461, a. 11.

Διὸ καὶ μετὰ τὴν τροφὴν καὶ πάμπαν νέοις οὖσιν, οἷον τοῖς παιδίοις, οἱ γίνεται ἐνύπνια.

[2]) ib. 462, a. 31. Ἤδη δέ τισι συμβέβηκεν ὥςτε μηδὲν ἐνύπνιον ἑωρακέναι κατὰ τὸν βίον.

сновидѣніяхъ, (ohne die niemals der Schlaf ist), сонъ, даже въ здоровомъ состояніи, былъ бы полнымъ потуханьемъ жизни (Erlöschen des Lebens) [1]). Послѣ Канта въ Германскихъ психологическихъ школахъ это положеніе, развиваясь, дошло до извѣстнаго парадокса Фортлаге, что мы живемъ на столько, на сколько спимъ, и, просыпаясь, начинаемъ умирать, т. е. изъ болѣе духовной, а слѣдовательно и сознательной, жизни переходимъ въ менѣе духовную и сознательную. Во Франціи положеніе Декарта удержалось въ болѣе чистой формѣ, и можно назвать рядъ психологовъ-спиритуалистовъ нынѣшняго вѣка, которые брали или берутъ его въ основу своихъ теорій сна. Между ними достаточно назвать Jouffroy и Lélut [2]).

Особенность теоріи Jouffroy состоитъ только въ томъ, что онъ доказываетъ необходимость постоянной дѣятельности ума во снѣ примѣрами различнаго дѣйствія внѣшнихъ впечатлѣній на спящаго. Если человѣкъ пробуждается подъ вліяніемъ извѣстныхъ слабыхъ звуковъ (напр. слабые стоны и вздохи больного) и продолжаетъ спать при сильныхъ (шумъ экипажей на улицѣ), то только потому, что пробужденіе есть актъ воли, который мотивируется оцѣнкою умомъ во снѣ относительной важности достигающихъ до него впечатлѣній [3]). Но при этомъ Jouffroy впадаетъ въ неизбѣжное противорѣчіе: если не умъ спитъ во снѣ, то очевидно должны спать органы чувственныхъ впечатлѣній, ибо какое же было бы иначе отличіе между психическою жизнью спящаго и бодрствующаго? И дѣйствительно авторъ предполагаетъ, что притокъ чувственныхъ впечатлѣній во снѣ прекращается (les sens s'engourdissent dans le sommeil) [4]); но если такъ, то какъ же возможно напр., чтобъ умъ во снѣ продолжалъ измѣрять время по ударамъ часоваго маятника, что по мнѣнію Jouffroy необходимо предположить для объясненія способности нашей просыпаться въ опредѣленный часъ [5]). Спорадически прорывающихся сквозь завѣсу сна впечатлѣній недостаточно, конечно, для объясненія этихъ и другихъ фактовъ, приводимыхъ авторомъ. Итакъ новое доказательство, приводимое Jouffroy въ пользу Декартовскаго положенія, ведетъ къ явнымъ противорѣчіямъ. Чтоже

---

[1]) Werke (A. v. Rosenkranz), IV Th., p. 264 и 265; ср. также X Th., p. 372.

[2]) Послѣдній даже открыто признаетъ себя послѣдователемъ Декартовскаго положенія; la pensée pense toujours, c'est là sa nécessité, son essence (Physiol. de la pensée. P. 1862, t. II, p 446).

[3]) Mélanges philos. P. 1875 (5-me éd), p. 226—234.

[4]) loc. cit. p. 234.

[5]) loc. cit. p. 233.

касается до основной, старой исходной аксіомы о невозможности полнаго покоя мысли, то несостоятельность ея очевидна. Если брать понятіе ума realiter, какъ понятіе цѣльной, недѣлимой *силы*, то дѣйствительно ничѣмъ нельзя объяснить перемежающихся переходовъ его изъ состоянія дѣятельности въ состояніе покоя, которые предполагаются гипотезой спорадическихъ проблесковъ сознанія въ сновидѣніяхъ; но понятіе реальныхъ силъ давно изгнано изъ научной психологіи, оно замѣнено понятіемъ функціональной зависимости психическихъ актовъ отъ состояній нервной системы, а при такомъ положеніи вопроса говорить о непрерывной работѣ мышленія, значило бы утверждать возможность непрерывной работы головнаго мозга. Между тѣмъ есть доказательства противъ такого утвержденія, столько же физіологическія, основанныя на внѣшнемъ наблюденіи, сколько и психологическія, вытекающія изъ самонаблюденія. Во первыхъ, нѣтъ органа въ нашей нервной системѣ, который бы могъ дѣйствовать непрерывно. Есть физіологи, которые предполагаютъ, что даже непрерывное движеніе сердца и легкихъ регулируется во снѣ другими центрами иннерваціи, чѣмъ на яву [1]). Съ другой стороны наблюденія физіологовъ при трепанаціяхъ (искуственныхъ вскрытіяхъ) мозга (Блюменбахъ, Дурхамъ, Гаммондъ и др.) привели къ заключенію, что головной мозгъ, главный центръ психической сознательности, дѣйствительно находится во снѣ въ особыхъ физіологическихъ условіяхъ, заставляющихъ предполагать возможность полной его бездѣятельности [2]). Наконецъ состояніе эмбріона, а также физическій характеръ жизни ребенка въ первые мѣсяцы тоже говорятъ въ пользу предположенія, что головной мозгъ можетъ находиться въ полномъ усыпленіи, при большой интенсивности растительныхъ отправленій [3]). Что касается до непрерывной дѣятельности продолговатаго мозга во снѣ, на которой настаиваютъ нѣкоторые физіологи (Huschke), то вопервыхъ едва-ли она касается *однихъ и тѣхже* центровъ этого органа, во вторыхъ едва-ли можно отсюда выводить предположеніе о переселеніи *психической дѣятельности* во снѣ въ этотъ второстепенный органъ соз-

---

[1]) ср. Luys. Recherches s. le syst. nerv. P. 1865. p. 448: ... le rythme si particulier que prennent les mouvements inspiratoires pendant la période de collapsus du cerveau, leur succession si mesurée, leurs caractères si franchement automatiques, nous portent à penser qu'ils ont cessé d'être régis par les mêmes foyers d'innervation que ceux, qui les suscitent pendant l'état de veille.

[2]) блѣдность кровяныхъ сосудовъ и уменьшеніе объема мозга, ср. Carpenter, loc. cit. p. 571.

[3]) ср. Perty, Die Natur im Lichte philosoph. Anschauung. Leipzig. 1869. p. 621.

нанія [1]) и говорить о спеціально-чувственномъ характерѣ сновидѣній (Empfindungsbewusstsein); извѣстно, что сны могутъ имѣть и абстрактное содержаніе [2]). Итакъ центры высшей сознательности могутъ, вѣроятно, приходить въ состояніе полнаго покоя, и это не мѣшаетъ продолженію автоматической дѣятельности низшихъ центровъ [3]). Изъ непрерывности этихъ автоматическихъ движеній нельзя, подобно Lélut [4]), выводить заключеніе о непрерывности сознанія, потому что эти движенія и на яву могутъ происходить безсознательно [5]). Еще менѣе правильно прибѣгать къ парадоксу относительнаго значенія понятій сознательности и безсознательности и спрашивать себя, не есть ли безсознательность только весьма слабая доля сознательности [6]); съ этой точки зрѣнія всѣ контрасты — покоя и движенія, темноты и свѣта, сна и бдѣнія совершенно исчезнутъ, и ни одного термина языка нельзя будетъ употреблять, не прибавляя къ нему безчисленныхъ оговорокъ. Пріемъ математиковъ, состоящій въ признаніи безконечно малыхъ величинъ равными нулю, долженъ имѣть мѣсто во всѣхъ наукахъ.

Съ психологической точки зрѣнія безконечная градація въ ясности сознанія, извѣстная намъ изъ самонаблюденія, заставляетъ непремѣнно предполагать такой minimum, который долженъ быть приравненъ нулю, и Штрюмпель справедливо считаетъ это предположеніе однимъ изъ главныхъ психологическихъ доводовъ въ пользу бездремнаго [7]) сна (traumloser Schlaf) [8]). Но есть и другія психологическія соображенія, не менѣе важныя. Тотъ же Штрюмпель указываетъ напр. на возможность заключать изъ различныхъ внутреннихъ опытовъ, что наше сознаніе не безъ перерыва длится во времени и пропадаетъ въ иные его моменты [9]). Съ другой стороны нельзя совершенно пренебрегать, по на-

---

[1]) Объ этой теоріи и ея основаніяхъ см. Horwicz, Psychologische Analysen. I Th. Halle. 1872. p 248—250.

[2]) ср Burdach, Physiol. als Erfwiss. III B. p. 495.

[3]) ср. Hartmann, Philos. des Unbew. S. 704.

[4]) loc. cit. t. II, p. 447. и слѣд.

[5]) Безсознательны они конечно и въ тѣхъ случаяхъ, когда они имѣютъ мѣсто послѣ вырѣзанія большаго мозга у животныхъ въ извѣстныхъ опытахъ Флуранса и другихъ физіологовъ.

[6]) ср. Horwicz, loc cit. p. 243.

[7]) Прилагательное „бездремный“ мы произвели отъ существительнаго дрема. Употребленіе слова „дрема“ вмѣсто „сновидѣнія“ мы надѣемся оправдать впослѣдствіи.

[8]) Strümpell. Die Natur u. Entstehung der Träume. Leipz. 1874, p. 13.

[9]) loc. cit. p. 13 и 15.

шему мнѣнію, и утвержденіями тѣхъ лицъ, которыя говорятъ что никогда не видятъ сновъ [1]). Конечно бываютъ сновидѣнія, отъ которыхъ потомъ, при пробужденіи, нѣтъ совершенно никакихъ слѣдовъ въ сознаніи, но всетаки трудно предположить, чтобъ человѣкъ, который въ теченіи сорока лѣтъ своей жизни не могъ, при всемъ желаніи, найти такихъ слѣдовъ, постоянно, т. е. ежечасно и ежеминутно, во время сна, грезилъ этою именно формою «безпамятныхъ» сновидѣній; гораздо вѣроятнѣе, что если онъ иногда и грезилъ слабо, то по бо́льшей части всетаки пребывалъ въ совершенной безсознательности. Наконецъ безчувственность къ весьма сильнымъ впечатлѣніямъ тоже представляется весьма важнымъ фактомъ. Карпентеръ разсказываетъ случай съ капитаномъ военнаго корабля, который заснулъ однажды возлѣ одного изъ самыхъ большихъ орудій своего судна и проспалъ два часа, при непрерывно продолжавшихся пушечныхъ выстрѣлахъ. Онъ же повѣствуетъ о способности индѣйцевъ Сѣверной Америки засыпать во время истязаній, въ плѣну, при малѣйшемъ ослабленіи ихъ мукъ [2]). Трудно предположить, чтобы при условіяхъ такого нервнаго изнеможенія была возможна та дѣятельность нервныхъ центровъ, которая вызываетъ дремы. Итакъ рѣшительно всѣ наблюденія заставляютъ думать, что сонъ отнюдь не съ неизбѣжностью сопровождается феноменомъ сновидѣній, хотя можетъ быть въ большинствѣ случаевъ ихъ параллельность и слѣдуетъ допустить [3]), и лица, несогласныя съ этимъ, должны привести въ пользу обратнаго положенія доказательства болѣе вѣскія, чѣмъ метафизическій постулатъ Декарта. Работа мозга во снѣ, предполагаемая дремами, не можетъ и не должна длиться непрерывно, такъ какъ она имѣетъ случайный и второстепенный характеръ: сонъ, въ обиходѣ организма, имѣетъ значеніе растительнаго момента [4]) и феноменъ сновидѣній надо разсматривать какъ продуктъ незаконнаго, хотя и неизбѣжнаго время отъ времени, *вторженія* въ область растительной жизни непрошенныхъ отголосковъ

---

[1]) Ридъ увѣряетъ, что онъ въ теченіи сорока лѣтъ не грезилъ (Reid, Works, Edinb. 1872, vol. I, p. 34, a); извѣстно, что Лессингъ утверждаетъ тоже самое относительно всей своей жизни.

[2]) Carpenter, loc. cit., p. 570, a. b.

[3]) ср Strümpell, loc. cit., p. 15.

[4]) Причинная зависимость сна и растительныхъ функцій доказывается многими явленіями въ жизни организма. Голодъ—врагъ сна, сытость вызываетъ ко сну. Змѣи, напр. Боа, не спятъ по нѣсколько сутокъ, пока не окончится успѣшно ихъ охота, а наѣвшись, обратно, спятъ глубокимъ сномъ втеченіи многихъ дней. Притомъ во снѣ усиливается внутренній растительный обмѣнъ тканей и параллельно ему выдѣленія (ср. Macnish, loc. cit., p. 19—21, ср. ib. p. 30).

животнаго существованія организма на яву. Въ виду этого полезно различать степени интенсивности этого вторженія отъ нуля и до равнодѣйствія, характеризующаго явленіе *полусна*.

Хотя градація въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ подобныхъ, непрерывна, однако естественно являлись попытки отмѣтить ея главные моменты. Одни психологи берутъ для составленія скалы нормальную послѣдовательность моментовъ въ обычномъ снѣ, такъ напр. Фолкманъ отличаетъ періоды сонливости, засыпанія, глубокаго сна, сна съ сновидѣніями и пробужденія [1]). Другіе принимаютъ за критерій голосъ самонаблюденія, независимо отъ хронологической послѣдовательности состояній спящаго. Такъ Горвичъ отличаетъ четыре ступени, по интенсивности сновидѣній: 1) самыя живыя сновидѣнія, сопровождаемыя мышленіемъ и дѣйствіемъ—лунатическое состояніе, 2) живой, ясно вспоминаемый сонъ, 3) слабосознаваемое сновидѣніе, оставляющее послѣ себя только смутное и общее воспоминаніе, что мы грезили, 4) глубокій бездремный сонъ [2]). Такъ какъ Горвичъ сомнѣвается въ возможности совершенно безсознательнаго сна, то подъ четвертую категорію его подходитъ только сонъ съ *абсолютно-забываемыми* дремами и потому мы, признавъ вмѣстѣ съ Штрюмпелемъ возможность и совершенно бездремнаго состоянія, должны разбить четвертую категорію на двѣ. Съ другой стороны свою первую ступень Горвичъ выражаетъ слишкомъ неопредѣленно. Его признакъ дѣленія, очевидно, степень сознательности сна и параллельной вспоминаемости дремъ, между тѣмъ лунатическое состояніе по большей части безсознательно и не оставляетъ слѣдовъ въ памяти [3]); притомъ лунатическое состояніе представляетъ явленіе во всякомъ случаѣ патологическое и рѣдкое, поэтому его не слѣдуетъ принимать въ разсчетъ при перечисленіи. Спрашивается, есть ли какая либо другая ступень сна, которая бы представляла признаки бо́льшей интенсивности сознательной жизни, чѣмъ какая выражена во второй группѣ Горвича? Въ этой группѣ очевидно имѣется въ виду уже тотъ рядъ явленій, въ которыхъ растительная жизнь взяла значительный перевѣсъ надъ животною, между тѣмъ какъ сномъ же называется и состояніе равнодѣйствія этихъ отправленій: *полусонъ* есть всетаки сонъ Стало быть вмѣсто нѣсколько сбивчивой скалы Горвича мы получимъ слѣдующія пять главныхъ сочетаній: 1) полусонъ, 2) сонъ съ отчетливо вспоминаемыми

---

[1]) loc. cit. I, 388.

[2]) loc. cit. I, 242.

[3]) ср. Franck, Dictionn. des sciences philos. P. 1875 (2-me éd). Art. Sommeil, p. 1647, a.

сновидѣніями, 3) сонъ съ смутно запоминаемыми сновидѣніями, 4) сонъ съ абсолютно забываемыми дремами, 5) абсолютно бездремный сонъ [1]). Весьма вѣроятно, что мы получили бы совершенно параллельную скалу, еслибъ взялись перечислить, обратно, комбинаціи бдѣнія съ проблесками растительной жизни различной напряженности. Начиная отъ полусна, какъ нейтральной почвы (нулевая точка), мы бы вѣроятно дошли до момента абсолютнаго бдѣнія [2]) Но эта задача выступаетъ за предѣлы нашего вопроса и притомъ входитъ скорѣе въ область физіологіи: мы оставимъ ее въ сторонѣ. Во всякомъ случаѣ достовѣрно, что состояніе полусна представляетъ точку раздѣла, точку пуля при опредѣленіи двойнаго ряда ступеней преобладанія въ организмѣ животной жизни надъ растительною и растительной надъ животною. Полусонъ—моментъ наибольшаго равновѣсія тѣхъ и другихъ функцій, оттого-то у низшихъ организмовъ, въ которыхъ дифференціація тканей и ихъ отправленій еще не выражена отчетливо, состояніе это представляется какъ бы обычнымъ: рѣзкихъ границъ между сномъ и бдѣніемъ провести невозможно. «Низшія животныя, говоритъ Бурдахъ, не приходятъ въ совершенное сознаніе, а потому имъ недоступенъ и совершенный сонъ... Только у птицъ и у млекопитающихъ мы встрѣчаемся съ настоящимъ (т. е. отчетливо выраженнымъ) сномъ, а у человѣка—съ наиболѣе совершенною его формою» [3]). Извѣстно, что есть даже организмы, вовсе незнакомые со сномъ полипы) [4]), у которыхъ слѣдовательно равновѣсіе растительныхъ и животныхъ функцій постоянное. У человѣка, какъ сказано, характеры сна и бдѣнія самые рѣзкіе, ибо дифференціація между растительной и животной жизнью полнѣйшая; изъ этого можно заключать съ одной стороны, что состояніе полусна въ его обиходѣ представляется ненормальнымъ, необычнымъ явленіемъ; съ другой стороны, что нормальною представляется возможно быстрая реакція отъ сна къ бдѣнію и отъ бдѣнія ко сну.

Первое положеніе доказывается тѣмъ, что полусонъ есть всегда результатъ насильственной борьбы животной пробужденности съ всту-

---

[1]) ср. выраженіе complete Sleep у Макниша, loc. cit, p. 9.

[2]) Такой моментъ повидимому выражается въ состояніи такъ называемаго психическаго экстаза: *иллюзія полной независимости* духа отъ вещественныхъ условій составляетъ главную характерную черту его, а наступающее по прекращеніи такого состоянія внезапное физическое изнеможеніе, повидимому, указываетъ, что почва иллюзіи заключалась во временной остановкѣ возстановляющаго растительнаго обмѣна.

[3]) loc. cit. III, p. 477.

[4]) ср. Volkmann, loc. cit., I. p. 394 (anm.).

пающей въ свои права растительною потребностью къ отдыху. Въ такомъ состояніи борьбы находятся напр. солдаты, когда спятъ на ходу при утомительныхъ переходахъ [1]), также мать, когда она въ полуснѣ кормитъ ребенка, и сидѣлка, дремлющая у постели больнаго. Ридъ приписываетъ тому же факту насильственнаго превращенія сна въ *полусонъ* способность пробужденія въ опредѣленный часъ [2]), когда, разумѣется, она не представляется органическою привычкой. Туманное психическое состояніе человѣка [3]), не вовремя пробужденнаго, имѣя аналогію съ состояніемъ полусна, есть тоже результатъ насилія надъ растительными потребностями, какъ и дремота слушателей на какомъ нибудь торжественномъ собраніи, когда рѣчь оратора не представляетъ для нихъ интереса [4]). Способность этихъ лицъ, при пробужденіи, механически повторить послѣднія слова, произнесенныя во время ихъ усыпленія, сближаетъ эту дремоту съ полусномъ. Наконецъ, я знаю случай, когда въ состояніи полусна было написано письмо. Смѣна разумныхъ фразъ безсмысленными, написанными неровнымъ и дрожащимъ почеркомъ, съ пропускомъ буквъ и словъ, отлично характеризуетъ психическое состояніе писавшаго, который, послѣ двухдневнаго путешествія днемъ и ночью, боролся упорно между стремленіемъ предаться отдыху и желаніемъ окончить нужное дѣло. Итакъ полусонъ есть всегда продуктъ искусственной попытки продолжить, сверхъ мѣры, періодъ бдѣнія.

Нормальность быстрыхъ реакцій въ смѣнѣ двухъ моментовъ доказывается эмпирическими наблюденіями надъ людьми, находящимися въ наиболѣе естественныхъ условіяхъ существованія. Неиспорченный организмъ ребенка также мало знакомъ съ безсонницей, какъ здоровый организмъ рабочаго простолюдина или правильно живущаго ученаго труженика [5]). Только болѣзненно-раздраженная нервная система цивилизованнаго горожанина, да и то при ненормальной жизни, предрасположена къ безсонницѣ или къ полусонной вялости послѣ пробужденія. Но если быстрыя реакціи законнѣе медленныхъ, то этимъ самымъ оправдывается неизбѣжность сновидѣній для большинства людей при началѣ и предъ концомъ сна. При быстромъ засыпаніи весьма естественнымъ

[1]) ср. Perty, Myst. Ersch., I, 68

[2]) loc. cit. I, p. 34.

[3]) Schlaftrunkenheit, по выраженію Бурдаха, loc. cit., p 500.

[4]) ср. Burdach, loc. cit., p. 486.

[5]) Кантъ называетъ безсонницу ein Fehler des schwachlichen Alters, и ставитъ неспособность скоро заснуть, которая начала посѣщать его послѣ 75 л., въ зависимость отъ начинавшагося у него, по его мнѣнію, расположенія къ подагрѣ. Werke, X., p. 373.

представляется продолженіе втеченіе нѣкотораго времени во снѣ по *инерціи* послѣднихъ и наиболѣе сильныхъ отправленій мысли, сопровождавшихъ бдѣніе. Точно также быстрое пробужденіе предполагаетъ полную подготовленность къ нему, т. е. обновленность организма и первныхъ тканей, что́ въ свою очередь неизбѣжно вызываетъ въ послѣдніе моменты сна спорадическія вспышки настраивающагося къ новой жизни сознанія.

Итакъ, установивъ сначала *спорадическій* характеръ сновидѣній, мы должны были однакоже признать естественную неизбѣжность этого явленія въ тѣ крайніе моменты сна, которые служатъ единственно нормальною переходною ступенью отъ бдѣнія къ полному покою и обратно. Мы вмѣстѣ съ тѣмъ подтвердили вѣрность вышеприведеннаго опредѣленія сновидѣній, какъ *спорадическихъ, продолжающихся или начинающихся проблесковъ сознанія во снѣ.* Еще одно слово въ этомъ положеніи требуетъ поясненій. Мы сказали—проблески «сознанія», но въ тоже время часто разсматривали сновидѣнія, какъ проблески животной жизни, животности во снѣ,—моментѣ растительнаго существованія. Спрашивается: покрываютъ ли другъ друга вполнѣ, или только отчасти, выраженія «проблески сознанія» и «проблески животности»? Иначе сказать: исчерпывается ли терминомъ «сновидѣніе» весь кругъ животныхъ процессовъ, могущихъ сопровождать сонъ?

Очевидно, центръ тяжести этого термина въ понятіи «видѣнія». Понятіе это намекаетъ на рядъ сенсорныхъ, чувствовательныхъ проявленій животной жизни во снѣ; но рядомъ съ *сенсорными* процессами возможны и *моторные*, двигательные; сюда относится, напр., говоръ спящаго. Значитъ, терминомъ сновидѣній обозначается только одна половина проблесковъ животности, и для того, чтобъ обнять весь кругъ феноменовъ, необходимо было бы имѣть болѣе широкое понятіе. Въ русскомъ языкѣ его пока не существуетъ, но термины другихъ языковъ безотносительнѣе, напр. нѣмецкое слово Traum можетъ быть употреблено въ обширномъ значеніи, со включеніемъ моторныхъ явленій [1]). Хотя русское выраженіе «дрема», по мнѣнію филологовъ, и не родственно нѣмецкому Traum [2]); тѣмъ не менѣе оно представляется

[1]) Горвичъ конечно въ этомъ смыслѣ опредѣляетъ Schlafwandeln, какъ lebhaftestes Träumen. l. c., I, 242.

[2]) A. Fick производитъ Traum отъ основы drauma, корня dhru, tönen, сопоставляя его съ Греч. θρέομαι и считая первоначальнымъ значеніемъ его: buntes, jubelndes Treiben (Vergl. Wort. d. Indogerm. Spr. 1876, III B., S. 152 и II B., S 390). Славянское же слово *дрематы* тотъ же Fick, а также Curtius, производятъ отъ корня dar, dra, спать, лат. dormire, греч. δαρθάνω (Fick, l. c., I B, S. 618).

весьма удобнымъ для перенесенія въ научный языкъ съ этимъ обширнымъ значеніемъ Въ понятіи легкаго, «будкаго» спа [1]) уже содержится идея вторженій въ растительную жизнь животныхъ актовъ, столько же въ формѣ *движеній*, сколько и въ видѣ болѣе или менѣе ясныхъ *представленій* и *воспріятій*, такъ что, за неимѣніемъ другого слова [2]), мы предлагаемъ обозначать всѣ вторженія животной жизни во снѣ терминомъ *дремъ*, образуя отсюда и соотвѣтственныя прилагательныя *дремный*, *бездремный*. Это замѣчаніе было необходимо намъ, только чтобъ опредѣлить размѣры нашей задачи. Приступая къ анализу сновидѣній, мы очевидно имѣемъ въ виду изслѣдованіе лишь одного ряда явленій, характера *сенсорнаго*. Затѣмъ и въ сферѣ сенсорныхъ феноменовъ во снѣ, понятіемъ сновидѣній обнимается только одна сторона, а именно *нормальныя* вторженія животной воспріимчивости; всѣ патологическіе феномены будутъ оставлены нами въ сторонѣ. Наша задача, слѣдовательно, выяснить происхожденіе и механизмъ *нормальныхъ сенсорныхъ* актовъ, могущихъ сопровождать состояніе растительнаго обмѣна, называемое сномъ.

Чѣмъ свѣжѣе и впечатлительнѣе человѣкъ, тѣмъ естественнѣе отголоски его представленій и чувствованій въ состояніи усыпленія, а потому въ молодости сновидѣнія интенсивнѣе, чѣмъ въ старости, первобытному человѣку доступнѣе въ его роскошной южной колыбели, чѣмъ современнымъ культурнымъ обитателямъ умѣреннаго климата, на долю которыхъ выпадаетъ столько трудовъ и утомленія.

Отсюда вытекаетъ, что если *мы* придаемъ большую важность сновидѣніямъ, подмѣчаемъ ихъ и стараемся объяснить, то тѣмъ болѣе поражали они древняго, невѣжественнаго, но впечатлительнаго человѣка. Исторія попытокъ понять законы разбираемаго феномена начинается вслѣдствіе этого съ незапамятныхъ временъ.

Отмѣтимъ ея главные моменты.

Первый моментъ—эпоха *доисторическая*. По мнѣнію большинства новѣйшихъ писателей по антропологіи, сновидѣнія привели первобытнаго человѣка къ его *начальнымъ идеямъ о душѣ* и къ первымъ *религіознымъ понятіямъ*. Это убѣжденіе высказываютъ Tylor, Lubbock, Her-

---

[1]) ср. Толковый Словарь Даля, слово „дрема“.

[2]) Терминъ „грёза“, напр., хотя и обозначаетъ между прочимъ *рѣчь во снѣ* (Даль), неудобенъ, ибо мы слишкомъ привыкли употреблять его и о нѣкоторыхъ психическихъ явленіяхъ на яву. Цксл. соніе=сновидѣніе (Даль) слишкомъ неуклюжій и неопредѣленный терминъ. Сложныя слова, которыя могли бы быть вновь образованы напр. сноявленіе, сновоспроизведеніе и т. д., еще тяжеловѣснѣе.

bert Spencer, Darwin [1]) и др. Не обладая еще привычкою отличать субъективные образы, внутренняго происхожденія, отъ объективныхъ, внѣшнихъ, первобытный человѣкъ естественно поддается *иллюзіи реальности* сновидѣній и, проснувшись, продолжаетъ вѣрить въ дѣйствительность видѣннаго, какъ вѣрилъ въ нее, когда спалъ [2]). Просыпаясь и видя перемѣну обстановки, «онъ думаетъ, говоритъ Спенсеръ, что былъ въ другомъ мѣстѣ; свидѣтели отрицаютъ это и говорятъ, что онъ былъ здѣсь; ихъ свидѣтельство подтверждается въ его глазахъ тѣмъ, что онъ внезапно очутился тамъ, гдѣ заснулъ. Самый простой выходъ изъ этого затрудненія состоитъ въ томъ, чтобы признать, что онъ одновременно былъ здѣсь и блуждалъ въ другихъ мѣстахъ, т. е. что онъ имѣетъ двѣ индивидуальности, изъ которыхъ одна по временамъ оставляетъ другую, но потомъ возвращается назадъ» [3]). Это разсужденіе и приводитъ къ понятію души, какъ особаго начала, и къ вѣрѣ какихъ нибудь Новозеландцевъ, которые полагаютъ, что «во время сна духъ оставляетъ тѣло и что сновидѣнія суть тѣ предметы, которые онъ видитъ во время своихъ скитаній (Томсонъ)» [4]). Конечно сновидѣній было недостаточно, чтобъ составить себѣ опредѣленное понятіе о томъ, что́ такое душа. Для этого, по справедливому воззрѣнію Caspari, нуженъ былъ рядъ другихъ наблюденій и опытовъ [5]). Но все таки самая идея дуализма, раздѣльности двухъ началъ, каковы бы они ни были, вполнѣ удовлетворительно объясняется соображеніями, къ которымъ приводили сновидѣнія. Каспари, полемизируя противъ этой теоріи, замѣчаетъ, что сновидѣнія суть всегда только отраженія дѣйствительности и что отъ тѣлесныхъ, чувственныхъ образовъ, являющихся спящему, не можетъ быть сдѣланъ скачокъ къ идеѣ безтѣлесной души [6]); онъ даже думаетъ, что явленія умершихъ во снѣ понимались какъ явленія *спящихъ*, т. е. возставшихъ отъ сна, друзей, такъ какъ идеи смерти и сна еще не обо-

---

[1]) Тэйлоръ, Первобытная культура, пер. Коропчевскаго, СП 1872, Т. I, ч. 2-я, стр. 22—26. Лэббокъ. Начало Цивилизаціи, СП. 1871, стр. 97. Г. Спенсеръ, Основанія Соціологіи, СП. 1876, Т. I, Глава X. Darwin, The Descent of man. Lond. 1875, p. 94.

[2]) ср. Darwin, l. c., p. 94: for savages do not readily distinguish between subjective and objective impressions

[3]) Спенсеръ, l. c , стр. 149.

[4]) Спенсеръ, l. c., стр. 150. Обзоръ подобныхъ вѣрованій особенно полонъ у Тэйлора, loc. cit.

[5]) Die Urgeschichte der Menschheit, Leipzig, 1873, II B, p. 5.

[6]) l. c., I B., p. 336, ср. ib. p. 313; II B., p. 5.

собились [1]). Но на это можно возразить, во первыхъ, что сначала духъ и не мыслился иначе какъ въ полу-тѣлесной формѣ, въ видѣ тонкаго, эфирнаго человѣческаго образа, по своей природѣ сходнаго съ паромъ, воздухомъ или тѣнью [2]); во вторыхъ, что слишкомъ наивно предположить въ первобытномъ человѣкѣ незнакомство съ фактомъ разложенія трупа, который не допускаетъ вѣры въ возможность явленія давноумершихъ въ прежней ихъ плоти: суевѣрный страхъ передъ воскресающими мертвецами обыкновенно касается только первыхъ моментовъ послѣ смерти, когда трупъ еще неразложился и находится на лицо; наконецъ, въ третьихъ, вѣра въ сновидѣнія выражалась не только въ предположеніи реальности чужихъ посѣщеній, но и въ признаніи дѣйствительности своихъ собственныхъ похожденій во снѣ, а при этомъ предположеніе второй индивидуальности было совершенно неизбѣжно. Значитъ объективированье сенсорныхъ дремъ необходимо вело, тѣмъ или другимъ путемъ, къ дуалистической гипотезѣ, изъ которой и возникли всѣ послѣдующія понятія о душѣ.

Но этого мало. Изъ идеи о духахъ, навѣянной сновидѣніями, возникли и первыя основы религіи. Вѣра въ реальность всѣхъ вещей, видѣнныхъ имъ во снѣ, первобытный человѣкъ серьёзно вдумывается въ разговоры съ умершими друзьями и праотцами, образы которыхъ естественно часто посѣщаютъ его въ сновидѣніяхъ, по законамъ репродукціи. Каждое мнимое слово ихъ онъ разсматриваетъ какъ совѣтъ или наставленіе. Таинственность этихъ свиданій и разговоровъ съ умершими постепенно доставляетъ все больше обаянія и авторитетности ихъ голосу, и простое уваженіе и почитаніе постепенно превращается въ поклоненіе, — поклоненіе тѣнямъ усопшихъ, которое представляетъ первую форму религіи: духи праотцевъ и вообще умершихъ, согласно съ характеромъ ихъ дѣятельности при жизни, дѣлятся на добрыхъ и злыхъ, и сообразно съ этимъ возникаетъ рядъ попытокъ, направленныхъ къ упроченію и увеличенію наличной суммы дружелюбныхъ духовъ,—это первые религіозные обряды. Аттрибуты тѣней постепенно отвлекаются отъ своей конкретной формы, отодвигаются на разстояніе *абстрактныхъ идей* [3]), и являются божества, какъ неопредѣ-

[1]) l. c., p. 6: „Da ihn die lebhafte Sinnlichkeit noch ausserordentlich tief beherrschte, so mochte er sich einbilden, dass der Verstorbene eben nur ein Schlafender sei, dem es vergönnt war, heimlich aufzustehen, um wie in früherer Weise seinen Beschäftigungen nachzugehen“...

[2]) ср. Тэйлоръ, l. c , стр. 35 и слѣд.

[3]) О постепенномъ переходѣ представленій образовъ умершихъ въ идеи демоновъ и божествъ, ср. Тэйлоръ, l. c , II, стр. 179 и слѣд.

Библиотека Большевистской Академии

ленно-личные носители тѣхъ человѣческихъ свойствъ, которыя сначала пріурочивались къ опредѣленно-личнымъ образамъ умершихъ.

Итакъ первый моментъ въ философіи сновидѣній—назовемъ его *реалистическимъ*—имѣетъ весьма важное значеніе, ибо служитъ основою первоначальныхъ психологическихъ и религіозныхъ воззрѣній человѣка, имѣющихъ несомнѣнное вліяніе и на все послѣдующее развитіе мысли.

Привычка уважать картины сна, какъ намеки на будущія событія, такъ укоренилась въ человѣкѣ, что перешла и въ тотъ періодъ умственной жизни, когда, въ виду новыхъ опытовъ и соображеній, исчезла вѣра въ почныя экспедиціи души и прямое общеніе съ духами. Замѣчая, что душа, при каждомъ пробужденіи, хотя бы и неурочномъ, всегда оказывается на лицо, что спящій можетъ даже говорить и двигаться, человѣкъ перестаетъ вѣрить въ возможность отдѣленія души отъ тѣла во снѣ. Съ другой стороны неясность видѣній, быстрая смѣна образовъ, неконгруэнтность почти всѣхъ картинъ сна съ обычными представленіями и понятіями человѣка, заставляютъ его неизбѣжно отвергнуть и мысль о дѣйствительномъ, *самоличномъ* явленіи духовъ спящему. Является предположеніе, что душа пассивно созерцаетъ картины, которыя посылаются высшими существами, духами, *для ея назиданія*. Этимъ путемъ всѣ подробности сновидѣній, всѣ отношенія столько же личныя, сколько и предметныя, становятся на одинъ уровень значенія; туманныя, нелѣпыя, чудовищныя дремы пріобрѣтаютъ одинаковый смыслъ съ ясными, разумными и естественными; во всякой мелочи одинаково видится намекъ на будущее; словомъ сказать, развивается понятіе *символовъ* и стремленіе толковать сновидѣнія символически. Это вторая эпоха въ философіи сновидѣній—эпоха *символистическая*. Она принадлежитъ уже культурному времени въ исторіи, какъ восточныхъ, такъ и европейскихъ народовъ Въ Греціи мантика развилась въ цѣлую науку, имѣвшую свою литературу и своихъ столько же посвященныхъ [1]), сколько и непосвященныхъ представителей. И хотя были уже и въ Греціи скептики, которые пытались создать серьозную психологическую теорію сновидѣній, напр. Аристотель [2]); однако даже большинство философовъ,

[1]) Искусство толковать сны считалось у Грековъ особеннымъ даромъ боговъ, ср. Buchsenschütz, Traum und Traumdeutung im Alterthume. Berlin. 1868, p. 40 и 65. О литературѣ предмета у Грековъ, ср. ib. 45—58.

[2]) ср. Büchsenschütz, l. c., p. 17—25. Аристотель, по выраженію этого писателя, становится въ рѣзкое противорѣчіе съ предшественниками, „insofern er den Grund für die Entstehung und das eigenthümliche Wesen der Träume nicht ausserhalb des Menschen sucht, sondern sie als nothwendige Erscheinungen aus der Natur des menschlichen Geistes ableitet und erklärt“. (l. c., p. 24).

начиная съ Сократа [1]), вѣрили въ божественную природу явленія и стремились создать систематическую символику [2]). Въ христіанскую эру это направленіе только усилилось подъ опекой средневѣковаго мистицизма, и даже теперь еще образованная Европейская публика не гнушается многочисленными спиритами и спогадалками. Но въ наукѣ девятнадцатаго вѣка мантика конечно не имѣетъ болѣе мѣста, поэтому остатки мистическаго поклоненія снамъ пріютились подъ крылышко новаго направленія, философскаго характера.

Начало этого третьяго момента въ исторіи вопроса можно вести съ Шеллинга, который долженъ считаться основателемъ современнаго культа сновидѣній [3]). Культъ этотъ есть культъ *ясновидѣнія*, основаніе котораго лежитъ въ понятіи *міровой души*. Гипотеза міровой души заставляетъ предполагать возможною «такую таинственную, магическую связь человѣка съ природою, въ силу которой каждый носилъ бы въ себѣ темное предчувствіе міроваго порядка вещей» [4]). Шубертъ, главный представитель пантеизма въ школѣ Шеллинга, слѣдующимъ сравненіемъ поясняетъ состояніе души во снѣ. «Когда, говоритъ онъ, въ нашей мѣстности мракъ покрываетъ землю, то это не значитъ, чтобъ солнце совсѣмъ ее покинуло; это значитъ только, что день, съ своимъ свѣтомъ, перешелъ въ другую страну, туда, гдѣ за моремъ цвѣтутъ пальмы; точно также и душа, въ то время какъ сонъ облекаетъ ея тѣло, приближается къ тѣмъ сферамъ, откуда она ведетъ свое начало» [5]). Это мистическое направленіе имѣетъ теперь своимъ главнымъ представителемъ извѣстнаго автора «Философіи безсознательнаго», Э. Гартмана, по ученію котораго «кажущіеся индивидуальные акты ясновидѣнія суть только обнаруженія во всемъ себѣ тожественной безсознательной сущности» [6]). Подобныя мнѣнія мы находимъ впрочемъ и у другихъ нѣмецкихъ философовъ того же направленія. Перти полагаетъ, напр., что пророческія сновидѣнія суть дѣйствіе «магическихъ силъ души, одинаковыхъ по существу у всѣхъ людей» [7]).

---

[1]) ср. Buchsenscsutz, l. c., p. 15.

[2]) ср. объ Эпихармѣ и Филохорѣ, ib., l. c. Anm. 121, также p. 46—58 (особ. попытки Артемидора).

[3]) ср. Volkmann, l. c., I. p. 417.

[4]) см. историческій очеркъ у Вундта, Душа чел. и жив. СП. 1866, II т., стр. 357.

[5]) Die Geschichte der seele, Stuttg. и Tub. 1839, p. 248.

[6]) Philos. d. Unbew., Berl. 1874. (6-te Aufl.), p. 518.

[7]) Mystische Ersch. d. Menschl. Natur. Leipz. 1872 (2-te aufl), B. II, p. 356, ср. ib. p. 361: „Die fremde Stimme (въ сновидѣніяхъ) ist meist doch nur die Stimme der eigenen Psyche“.

Въ первомъ періодѣ, какъ мы видѣли, сновидѣнія имѣли значеніе дѣйствительныхъ событій: *реальное* общеніе между лицомъ спящимъ и другими лицами, какого бы то ни было міра, предполагалось прямое. Во второмъ періодѣ сновидѣнія получили значеніе *символическое:* душа—пассивное орудіе въ чудотворныхъ рукахъ небожителей. Наконецъ, въ третьемъ періодѣ, сновидѣнія стали пониматься какъ акты ясновидѣнія,—ихъ значеніе *діаноэтическое* [1]); душа собственною природою своею способна проникать за кулисы міровой сцены и узнавать то, что̀ ей недоступно во время бдѣнія. Всѣ эти три теоріи выходятъ конечно изъ разнаго пониманія сущности души, но тѣмъ не менѣе онѣ имѣютъ много общаго и составляютъ одну цѣльную эпоху въ исторіи вопроса —эпоху *донаучную*. Общаго между ними—стремленіе найти связь сновидѣній съ будущимъ и вытекающій отсюда *мистическій* характеръ; ихъ девизъ—«вѣрить снамъ и толковать ихъ». Этимъ объясняется ихъ постоянное сосуществованіе въ идеяхъ культурныхъ народовъ, не смотря на преемственность развитія одной изъ другой. Всего консеквентнѣе и естественнѣе конечно первое ученіе, и другія два, будучи искусственными построеніями, неизбѣжно и безсознательно приходятъ, въ концѣ концовъ, къ повторенію его главныхъ выводовъ. Дѣйствительно, если признать какое нибудь общеніе душъ во снѣ, то естественнѣе напередъ принять ихъ независимость и отдѣляемость отъ тѣла, т. е. гипотезу ихъ странствованія, чѣмъ допускать мистическія сообщенія между предметами, отдаленными и не имѣющими связи, ради желанія удержать идею единства организма. Оттого-то упомянутыя три гипотезы, имѣя одну основу, такъ тѣсно переплетаются въ умахъ ихъ различныхъ представителей, что отдѣлить ихъ можно только путемъ научнаго анализа. Но за то всѣ онѣ находятся въ рѣзкомъ противорѣчіи съ издавна начавшимися попытками научно объяснить феноменъ. Главный контрастъ состоитъ въ томъ, что мистическія теоріи ставятъ сновидѣнія въ связь съ *будущими* событіями въ существованіи организма, успокоиваясь на предположеніи, что они явились извнѣ и не имѣютъ никакого отношенія къ прошедшему психической жизни. Научная тенденція сводится напротивъ къ попыткамъ поставить сновидѣнія въ зависимость отъ *прошедшаго и настоящаго* психической жизни организма, признавъ случайною ихъ связь съ будущимъ. Первая категорія ученій, благодаря своему окказіоналистическому характеру, исключаетъ вопросъ о причи-

---

[1]) Этотъ терминъ оправдывается выраженіемъ Перипатетика Стратона Лампсакскаго: τῆς διανοίας ἐν τοῖς ὕπνοις αἰσθητικωτέρας μέν πως γινομένης, см. Plutarch, de plac. philos. V, 2.

нахъ феномена, останавливаясь только на его возможныхъ *послѣдствіяхъ*; вторая, напротивъ того, пренебрегая послѣдствіями, спрашиваетъ о причинахъ, элементахъ, факторахъ явленія. Нельзя сказать, чтобъ представители научнаго направленія достигли, при разрѣшеніи вопроса, вполнѣ точныхъ и окончательныхъ выводовъ. Еще много въ ихъ положеніяхъ недоказаннаго, сомнительнаго, неяснаго, но тѣмъ не менѣе, если сдѣлать сводъ всѣмъ отрывочнымъ анализамъ психологовъ и физіологовъ, занимавшихся даннымъ явленіемъ то можно получить довольно цѣльное и стройное ученіе, во всемъ согласное съ посылками современнаго знанія.

Мы попытаемся сдѣлать такой сводъ, конечно, въ той общей схемѣ, какая допускается ограниченными рамками публичнаго чтенія. Полное развитіе каждой новой теоріи предполагаетъ не только *положительный* моментъ—изложеніе новаго взгляда, но и моментъ *отрицательный*—критику и опроверженіе стараго ученія. Поэтому изслѣдованія психологовъ по данному вопросу имѣютъ двѣ задачи—психологическое объясненіе *происхожденія* сновъ и психологическую теорію ихъ *совпаденія* съ будущими событіями, такъ какъ эти совпаденія служили главною поддержкою мистическихъ ученій. Вторая задача, при болѣе широкой постановкѣ, состоитъ въ опредѣленіи вообще того *значенія*, какое сновидѣнія могутъ имѣть для жизни, при научномъ пониманіи ихъ природы. Поэтому дальнѣйшее изложеніе можетъ быть раздѣлено на два отдѣла: теорію *образованія и механизма сновидѣній*, теорію *значенія ихъ для жизни.*

I.

Всякое научное толкованіе должно выходить изъ данныхъ наблюденія; вслѣдствіе этого первый моментъ научнаго анализа — собраніе фактовъ. Чтобъ выяснить связь сновидѣній съ прошедшими и настоящими психическими явленіями, необходимо сопоставить какъ можно бо́льшее число ихъ съ какими нибудь антецедентами и одновременными условіями въ жизни организма.

Между тѣмъ сны легко забываются, отчетливо схватить ихъ подробности весьма трудно. Немногіе люди находятся въ положеніи той старой дамы, о которой Карпентеръ разсказываетъ, что она съ такой ясностью запоминала свои сны, что не могла отличать ихъ отъ дневныхъ опытовъ и разсказывала ихъ съ слѣпою вѣрою (implicit belief) въ ихъ реальность [1]). Душевное состояніе ея не только исключеніе, но

[1]) Carpenter, l. c., p. 456, a.

и болѣзненный, ненормальный фактъ, и гораздо типичнѣе извѣстный разсказъ въ Священномъ Писаніи о Навуходоносорѣ, который призвалъ мудрецовъ для истолкованія поразившаго его видѣнія и былъ неспособенъ разсказать его содержаніе. По пробужденіи, мы часто знаемъ, что предъ нашимъ сознаніемъ совершалось какое то событіе, «въ которомъ мы принимали участіе, въ качествѣ актера или зрителя» [1]), но что̀ совершалось, мы припомнить не можемъ. Первая задача науки о сновидѣніяхъ, очевидно, объяснить психологическія основанія этого феномена и изыскать способы парализовать тѣ препятствія, которыя онъ ставитъ наблюденію и собиранію фактовъ. Объясненіе мы находимъ въ законѣ *различныхъ сферъ памяти, параллельныхъ разнымъ физіологическимъ состояніямъ организма* Законъ этотъ основывается на цѣломъ рядѣ любопытныхъ фактовъ. Во первыхъ, всѣмъ извѣстны случаи соотношенія сновидѣній, переживаемыхъ въ разъединенныя эпохи сна: иногда тотъ же сонъ снится нѣсколько ночей сряду, но, имѣя сознаніе, что сегодня мы грезили тѣмъ же, чѣмъ вчера и третьяго дня, мы всетаки часто не можемъ вспомнить самаго содержанія дремы, послѣ пробужденія нашего. Въ лунатическомъ состояніи встрѣчаются такія же связи самыхъ приступовъ этой болѣзни между собою, при разобщенности ихъ съ содержаніемъ промежуточныхъ періодовъ бдѣнія. Карпентеръ передаетъ напр. случай съ одной служанкой, которая, въ въ припадкѣ лунатизма, запрятала свой гребень и, не имѣя сознанія объ этомъ послѣ пробужденія, обвиняла свою товарку въ кражѣ; но черезъ нѣсколько дней, она проснулась съ гребнемъ въ рукахъ: оказалось что въ новомъ приступѣ тогоже состоянія, она припомнила, куда запрятала гребенку, и достала еѐ [2]). Второе доказательство въ пользу нѣсколькихъ сферъ памяти—различіе въ ходѣ ассоціацій, при здоровомъ и больномъ состояніи организма [3]). Всѣмъ извѣстенъ разсказъ о Вальтеръ-Скоттѣ, который написалъ одинъ изъ своихъ романовъ (James Ballantine) въ постели, къ которой приковала его продолжительная болѣзнь, и, выздоровѣвъ, не помнилъ ни одной сцены, ни одного характера и разговора изъ своего собственнаго произведенія [4]). Припоминаніе и воспроизведеніе въ горячечномъ бреду такихъ событій, которыя давно были забыты или никогда даже и не обнаруживались со-

---

[1]) ср. Hildebrandt, Der Traum u seine Verwerthung für's Leben. Leipz. 1875, p. 3.
[2]) Carpenter, l. c., p. 596
[3]) ср. Carpenter, l. c., § 344—357.
[4]) см. ib. p. 444, a.

знанію [1]), а также забвеніе въ болѣзненномъ состояніи извѣстныхъ фактовъ или свѣдѣній, прочно пріобрѣтенныхъ [2]), относятся къ тому же порядку явленій.

Въ примѣненіи къ нашему случаю различіе *обстановки* сна и бдѣнія служитъ достаточнымъ основаніемъ *стушевыванія* во снѣ тѣхъ фактовъ, которые бы могли поправлять чудовищныя представленія нашихъ дремъ, и обратно, на яву, тѣхъ образовъ сновидѣній, которые предшествовали пробужденію. Спрашивается, какими путями увеличить отчетливость воспроизведенія снова и какъ всего лучше воспользоваться тѣми грёзами, которыя помнятся ясно въ началѣ бдѣнія?

Вундтъ указываетъ, въ первомъ отношеніи, на *волю* и *привычку*, какъ на могущественные факторы при усовершенствованіи нашей способности возстановлять подробности сновидѣній [3]). Какимъ образомъ воля можетъ помочь дѣлу, мы видимъ на примѣрѣ Рида, который, послѣ нѣкотораго упражненія, научился вспоминать при каждомъ тяжеломъ кошмарѣ (они втеченіи года мучили его въ молодости), что его психическое состояніе есть только сновидѣніе, неимѣющее отношенія къ дѣйствительности. «Часто, скользя по ущельямъ въ пропасти, говоритъ онъ, я припоминалъ, что все это только сонъ и смѣло бросался внизъ» [4]). Точно такимъ же способомъ мы можемъ научиться запоминать во снѣ подробности сновидѣнія, чтобъ не забыть ихъ проснувшись. При помощи произвольно напрягаемаго вниманія пріобрѣтается, по выраженію Шернера, заостренная чувствительность (geschärfte Empfindkraft) ко всѣмъ явленіямъ дремнаго состоянія [5]). Что же касается, во вторыхъ, до научнаго пользованія матеріаломъ, которымъ снабжаетъ насъ память, то въ этомъ отношеніи Вундтъ предписываетъ во 1) внимательность къ физіологическому состоянію, въ которомъ находишься въ моментъ пробужденія, а также къ одновременнымъ чувственнымъ

---

[1]) Carpenter, ib. p. 437, d, разсказываетъ интересный случай съ дѣвушкой, которая въ горячкѣ говорила по Еврейски, по Гречески и по Латыни, не зная этихъ языковъ и повторяя безсмысленно тирады, которыя произносилъ когда-то въ слухъ ея господинъ, протестантскій пасторъ.

[2]) Такъ одинъ господинъ послѣ нервнаго удара забылъ Греческій языкъ, оставшись здоровъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, Carp., l. c., p. 443.

[3]) Grundz. d. physiol Psychologie, Leipz 1874, p. 656, Anm 2: „In der Zeit, in welcher ich mich einigermassen systematisch mit solchen Beobachtungen beschaftigte, ist es mir begegnet, dass mir im Traume beifiel, ich müsse nun diesen notiren, worüber ich dann regelmässig erwachte".

[4]) Reid, l. c., I, p. 33.

[5]) Scherner, Das Leben des Traums. Berlin, 1861, p. 133.

впечатлѣніямъ, во 2) точную повѣрку впечатлѣній и событій послѣднихъ дней [1]), такъ какъ въ нихъ могутъ заключаться разъясненія древныхъ ассоціацій. Самыя сновидѣнія, для болѣе удобнаго анализа ихъ содержанія, надо записывать и для этого не лѣниться даже вставать ночью [2]). Эта послѣдняя задача, по мнѣнію Фолькмана, не легкая, ибо комбинаціи дремнаго состоянія иногда такъ уродливы и несоизмѣримы съ привычными намъ представленіями, что для точной передачи ихъ словами необходимо было бы придумать «особый языкъ и новую таблицу категорій (т. е. родовъ понятій)», такъ какъ «попытка наглядно изложить сонъ часто разрушаетъ его особенности» [3]). Вѣрности этого замѣчанія, относительно нѣкоторыхъ случасвъ, отрицать нельзя, но оно было бы преувеличеніемъ, еслибъ давать ему *ассобщее* значеніе. Большая часть сновъ трудно передается не за недостаткомъ словъ, а вслѣдствіе неясности воспоминанія, неспособности возстановить дѣйствительный порядокъ, въ которомъ слѣдовали идеи, и найти всѣ звѣнья ассоціаціи [4]). Когда же сонъ ясно помнится, то мы обыкновенно легко можемъ его разсказать.

Итакъ сновидѣнія должны быть тщательно записываемы, и затѣмъ надо стараться подъискивать поводы къ возникновенію ихъ отдѣльныхъ звѣньевъ въ физіологическомъ состояніи организма, въ возможныхъ прецедентахъ ощущеній и въ ходѣ событій ближайшаго, да и вообще предъидущаго, времени. Всѣ эти дѣйствія подходятъ подъ понятія *наблюденія* и *наблюдательнаго анализа*. Но спрашивается, нельзя-ли безъискусственныя наблюденія потенцировать *искусственнымъ опытомъ?* Трудно намъ, напр., безъ особыхъ мѣропріятій прослѣдить всѣ внѣшнія раздраженія, —звуки, свѣтовыя движенія и т. д., которыя могли повліять на характеръ одновременныхъ имъ сновидѣній. Не всегда также за интереснымъ, въ психологическомъ отношеніи, сновидѣніемъ слѣдуетъ немедленное пробужденіе, и тогда оно, стушевываясь, подъ вліяніемъ дальнѣйшихъ грезъ, пропадаетъ для наблюдателя. Alfred Maury, замѣчательный спеціалистъ по вопросу о снахъ, предлагаетъ, какъ средство противъ по-

---

[1]) loc. cit., p. 656, anm. 2.

[2]) loc. cit. idib. Ср. Alfred Maury, Le sommeil et les rêves. Paris. 1865, p. 2.

[3]) Volkmann, l c., I. p. 414: Новыя категоріи нужны потому, что сонъ сочетаетъ иногда „Unvereinbares in einen Moment, Unzusammenhangendes in eine Causalreihe.“

[4]) Оттого Шернеръ совѣтуетъ, прежде чѣмъ встать для записанія сновидѣнія, нѣсколько разъ механически повторить его, какъ школьникъ иногда повторяетъ урокъ, чтобъ запомнить его. Loc. cit., p. 135.

добныхъ случайностей, помощь второго лица, которое могло бы будить изслѣдователя въ извѣстные, установленные имъ, сроки и дополнять его самонаблюденіе, отмѣчая его тѣлодвиженія во снѣ, положеніе его органовъ, его рѣчь, если таковая была, характеръ одновременныхъ внѣшнихъ впечатлѣній и т. д. [1]). Этимъ путемъ открывается обширная перспектива опыта, и самъ Maury дастъ въ своемъ изслѣдованіи лучшій образчикъ многочисленныхъ пріемовъ искусственнаго видоизмѣненія условій опытнаго анализа. Изъ всего предъидущаго мы видимъ, какъ сильно ошибаются тѣ лица, которыя считаютъ достаточными, для построенія разумной теоріи дремъ, отрывочныя и поверхностныя наблюденія, доступныя профану. Очевидно, не мало остроумія, терпѣнія и выдержки потребно при собираніи одного необходимаго научнаго матеріала. Нуженъ цѣлый рядъ искусственныхъ мѣропріятій на яву (kunstliche Anstalten vom Wachen aus) [2]), чтобъ подготовить только возможность извлечь пользу изъ своихъ наблюденій.

Какихъ же результатовъ достигли ученые, добросовѣстно исполнившіе эту первую задачу?

Главная цѣль ихъ изслѣдованія,—опредѣлить разнообразное психологическое происхожденіе сновидѣній и причины данныхъ, а не иныхъ какихъ либо, формъ дѣятельности нашего сознанія во снѣ. Но чтобъ достигнуть этой цѣли, надо сперва знать общія *особенности* сновидѣній. Мы начнемъ съ ихъ анализа.

По мнѣнію Аберкромби, главныхъ двѣ:

1) Впечатлѣнія, возникающія въ *умѣ*, признаются имѣющими реальное и настоящее существованіе.

2) Идеи и картины слѣдуютъ другъ за другомъ въ душѣ по теченію ассоціацій, надъ которыми мы не имѣемъ никакого контроля [3]).

Первая особенность объясняется усыпленностью органовъ чувствъ во снѣ и весьма слабымъ, вслѣдствіе этого, притокомъ ощущеній, непрерывное теченіе которыхъ необходимо для полнаго самосознанія и для повѣрки реальнаго происхожденія воспріятій [4]). Вторая—ослабле-

---

[1]) loc. cit., p. 2.

[2]) Scherner, l. c, p. 133.

[3]) Abercrombie, The intell. powers, London. 1871 (19-th ed.), p. 199. Carpenter называетъ вторую особенность the chief peculiarity of the state of dreaming, l. c., p. 584.

[4]) ср. A. Maury, l. c., p 41: Le défaut d'harmonie et de liaison régulière des impressions... détermine une perturbation de nos idées et nos sentiments, une aberration du sentiment de la personnalité, et cette perturbation est le délire du rêve.

ніемъ *вниманія*, т. е. той активной нервной силы, которая на яву подводитъ всѣ впечатлѣнія, внѣшнія и внутреннія, къ одному знаменателю, сосредоточиваетъ ихъ въ одномъ фокусѣ и тѣмъ самымъ направляетъ [1]). Ослабленіе *впечатлительной* энергіи воспріимчивости и *направительной* энергіи мышленія вотъ коренная особенность дремнаго состоянія. Въ пей очевидно не заключается никакихъ *качественныхъ* признаковъ, которые бы отличали феноменъ сновидѣній отъ дѣйствій сознанія на яву. Она касается только *степени напряженности* психической жизни во снѣ и послѣдствій, отсюда вытекающихъ (отсутствіе критерія истинности и контроля). Посмотримъ, нѣтъ ли другихъ признаковъ, которые бы опредѣляли качественное различіе сновидѣній отъ бодрствующей мысли. Гильдебрандтъ, въ своей монографіи о сновидѣніяхъ, полагаетъ, что на вопросъ о спеціальныхъ свойствахъ этого явленія можно отвѣчать только рядомъ контрастовъ, которыхъ онъ приводитъ три: во 1) замкнутость (Abgeschlossenheit) сновидѣній по отношенію къ дѣйствительности при постоянной зависимости (Abhangigkeit) ихъ отъ послѣдней, во 2) бо́льшая свобода теченія представленій во снѣ при значительной ея связанности (Gebundenheit), въ 3) виртуозность сновидѣній, геніальность нѣкоторыхъ ихъ комбинацій, если употребить выраженіе Фолькмана [2]), на ряду съ безсмысленностью и ослабленіемъ духовной жизни [3]). Отношеніе этихъ особенностей, какъ ихъ группируетъ Гильдебрандтъ, при первомъ взглядѣ наводитъ туманъ, противорѣчивость ихъ болѣзненно раздражаетъ здравый смыслъ читателя. Но если отвлечься отъ неестественной формы, въ которой онѣ сопоставлены, то дѣло окажется весьма простымъ.

Начнемъ съ анализа второго контраста, который имѣетъ самое близкое отношеніе къ указаннымъ выше характерамъ феномена. Отсутствіемъ контроля надъ теченіемъ мыслей во снѣ объясняется бо́льшая свобода, недостаткомъ критерія бо́льшая связанность дремныхъ ассоціацій. Свобода состоитъ въ томъ, что, не имѣя возможности, при помощи вниманія, направлять теченіе представленій, мы принуждены слѣдовать за естественнымъ и случайнымъ ходомъ ассоціацій, не сдерживаемыхъ уздою разсудка и воли. Связанность вытекаетъ изъ ограниченности умственнаго кругозора во снѣ, невозможности поправлять одни впечатлѣнія другими. Очевидно, между указанными чертами нѣтъ строгаго кон-

---

[1]) Опредѣленіе вниманія, какъ активной нервной силы, мы заимствовали у Liébeault, Du sommeil et des états analogues, Paris 1866, p. 7, ср. p. 13 и др.

[2]) l. c., I, p. 410.

[3]) l. c., p. 8—19 и слѣд.

траста, такъ какъ онѣ берутъ феноменъ съ разныхъ сторонъ. Свобода ассоціацій заключается въ ихъ *направленіи*, связанность касается ихъ *состава*.

Точно также трудно найти прямой контрастъ и въ первомъ случаѣ, ибо несоизмѣримость сновидѣній съ сознательною духовною жизнью касается только *формы* сочетаній, зависимость и связь являются въ *содержаніи*. Эти двѣ особенности легко уживаются. Впрочемъ отмѣченную параллель надо еще доказать. Есть психологи, которые весьма неопредѣленно выражаютъ фактъ несоизмѣримости сновъ съ сознательными актами мышленія. Такъ напр. Горвичъ говоритъ, что *сферы*, въ которыхъ движутся представленія во снѣ и на яву, существенно различны [1]). Бурдахъ говоритъ, что въ сновидѣніяхъ *никогда* (?) не повторяется содержаніе дневной жизни съ ея напряженіями и наслажденіями, съ ея радостями и страданіями; напротивъ сонъ стремится освободить насъ отъ нихъ [2]). Какъ понимать эти слова? Если означенные авторы разумѣютъ различіе формы, способа сочетанія, то они до извѣстной степени правы, ибо *большинство* сновидѣній ставитъ насъ въ положенія, невозможныя въ дѣйствительности; такъ, очевидно, понимаетъ дѣло Гильдебрандтъ съ своимъ примѣромъ путешествія во снѣ на островъ Елену, въ гости къ Наполеону [3]); но Горвичъ, желая доказать возможность перенесенія сознанія во снѣ въ особый центръ (изъ большаго мозга въ малый или продолговатый), повидимому склоняется въ пользу дословнаго пониманія «различности сферъ», въ смыслѣ различнаго содержанія сновидѣній и бодрствующей мысли [4]). Между тѣмъ не трудно доказать, что не только у *человѣка вообще* сновидѣнія составляются изъ тѣхъ самыхъ элементовъ, которые накопились опытами прошедшей сознательной жизни, но и у каждаго человѣка *въ частности* дремы составляются только изъ того матеріала воспріятій и идей, который доступенъ его *индивидуальному* уму. Индивидуальный характеръ *чувственной* сферы сновидѣній подтверждается наблюденіями надъ лицами, которыя представляютъ какое либо ненормальное отклоненіе въ сферѣ чувственной воспріимчивости. Такъ напр. Дарвинъ упоминаетъ о человѣкѣ, который былъ тридцать лѣтъ глухъ и никогда не видѣлъ во снѣ, чтобъ другія лица говорили съ нимъ иначе, какъ при помощи пальцевъ или письма; два другія лица,

---

[1]) l. c., I p. 248.

[2]) l. c., III, p. 474.

[3]) l. c., p. 9.

[4]) Онъ сравниваетъ психическую жизнь во снѣ со свѣтомъ луны и звѣздъ, по захожденіи солнца, l. c., p. 248.

давно ослѣпшія, увѣряли его также, что они никогда не грезили видимыми предметами съ тѣхъ поръ, какъ потеряли зрѣніе [1]). Мори разсказываетъ про себя слѣдующее: «я сдѣлался очень близорукимъ двадцать лѣтъ тому назадъ, и вотъ, когда я вижу во снѣ отдаленные предметы, то никогда не представляю себѣ ихъ иначе, какъ смутно и плохо очерченными» [2]) Если же иные слѣпые и глухіе повидимому составляютъ исключеніе изъ этого правила, то очевидно смутныя представленія во снѣ вещей, недоступныхъ имъ въ настоящее время, составляютъ репродукцію воспоминаній изъ той эпохи, когда они были здоровы [3]). Глухонѣмые и слѣпые отъ рожденія конечно вовсе незнакомы съ такимъ явленіемъ, но крайней мѣрѣ мы не встрѣчали нигдѣ никакихъ указаній на возможность его. Итакъ мы имѣемъ полное право согласиться съ Люисомъ что для того, чтобъ видѣть какую нибудь вещь во снѣ, надо было прежде такъ или иначе узнать ее на яву [4]). И это относится не только къ чувственнымъ воспріятіямъ, но и къ области нашихъ идей. *Идеи* наши во снѣ тоже носятъ индивидуальный отпечатокъ. Только суевѣрные люди представляютъ себѣ во снѣ лѣшихъ, русалокъ; только религіозные люди грезятъ ангелами, свѣтопреставленіями [5]); безграмотный крестьянинъ не можетъ грезить, подобно Франклину, политическими событіями; дома воспитанная дѣвушка не можетъ видѣть во снѣ экзамена, подобно своей сверстницѣ, гимназисткѣ. Итакъ сновидѣнія не содержатъ ничего новаго въ смыслѣ содержанія, при сравненіи съ прошедшимъ опытомъ индивидуума. Нельзя увидѣть во снѣ Наполеона тому, кто незнакомъ съ фактомъ его прошлаго существованія. Другое дѣло—форма. Извѣстно, что сознаніе спящаго мирится съ самыми вопіющими несообразностями. Психическая дѣятельность, по выраженію Фехнера, какъ бы переселяется изъ мозга разумнаго человѣка въ мозгъ идіота. Всѣ явленія искажаются и преувеличиваются. «Незначительныя чувствованія пріобрѣтаютъ характеръ аффектовъ, лег-

---

[1]) см. Abercrombie, l. c., p. 220. Ср. Burdach, l. c., p. 494.

[2]) l. c., p. 39.

[3]) Этимъ объясняется можетъ быть случай съ Д-ромъ Б., ослѣпшимъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ и имѣвшимъ въ сновидѣніяхъ сознаніе какого-то внѣшняго чувства, недоступнаго ему на яву. Aberer, l. c. ib

[4]) Luys. Le cerveau et ses fonctions, P. 1876, p. 155: Pour rêver d'une chose, il faut l'avoir vue, l'avoir perçue d'une façon ou d'une autre.

[5]) Ср. Luys, ib., прим. 2: Une jeune fille crut avoir mérité les peines éternelles pour avoir cedé à un sentiment trop tendre. Cette idée la préoccupait vivement..., lorsqu'elle crut une nuit, voir et entendre un messager du ciel qui lui annonçait sa damnation éternelle et celle de sa famille.

кія наклонности превращаются въ могучія страсти, . . тепло кажется невыносимою жарою, слабая головная боль--болью отъ тяжелой раны на головѣ, шумъ мимоѣдущаго экипажа—раскатомъ грома и т. д.» [1]). Съ другой стороны извращаются наши идеи о послѣдовательности событій. «Лица, которыхъ мы видимъ во снѣ, представляются въ ихъ прежнихъ, а не теперешнихъ положеніяхъ и отношеніяхъ Смѣшиваются между собою отдѣльные моменты времени. Теряется связь между предъидущимъ и послѣдующимъ» [2]). Во всѣхъ этихъ случаяхъ очевидно новымъ, необычнымъ, должно считаться не содержаніе ассоціацій,—элементы ихъ старые, давно-извѣстные; искаженіе касается только отношеній явленій, т. е. *формы сочетанія* элементовъ Какъ лохмотья нищей, сновидѣнія представляютъ пеструю, грубую ткань, сшитую бѣлыми нитками изъ всевозможныхъ, отовсюду набранныхъ и неподходящихъ другъ къ другу, обрѣзковъ психической жизни.

До сихъ поръ мы открыли въ дремныхъ ассоціаціяхъ четыре особенности: 1) случайность ихъ *направленія* (безконтрольность), 2) односторонность ихъ *состава* (отсутствіе критерія), 3) произвольность ихъ *формы*, 4) несамостоятельность (зависимость) ихъ *содержанія*. Эти четыре категоріи могутъ быть еще сокращены, если взять болѣе широкія понятія: направленіе и форма подходятъ подъ понятіе *построенія*, составъ и содержаніе можно объединить въ понятіи *матеріала*. Тогда можно свести упомянутыя особенности къ двумъ кореннымъ: 1) сновидѣнія отличаются односторонностью и несамобытностью въ подборѣ матеріала, изъ котораго слагаются, 2) сновидѣнія въ своихъ построеніяхъ имѣютъ характеръ случайный и произвольный.

Очевидно, стало быть, что и «первый» контрастъ содѣйствовалъ только развитію и обобщенію тѣхъ основныхъ понятій, изъ которыхъ мы вышли, т. е. не выяснилъ никакихъ *качественныхъ* отличій явленія, такъ какъ и въ этомъ новомъ видѣ первая особенность можетъ быть приписана количественному ослабленію *впечатлительной* энергіи ума, вторая объясняется количественною же потерею въ *направительной* его энергіи.

Спрашивается, какое значеніе имѣетъ третій изъ приведенныхъ контрастовъ? Въ научныхъ анализахъ, которые подчинены всегда внѣшнему давленію словъ, т. е. знаковъ, неполно и неточно выражающихъ идеи, къ несчастью, часто встрѣчается фактъ смѣшенія различныхъ точекъ зрѣнія въ одномъ понятіи и различенія подъ видомъ нѣсколькихъ понятій совершенно тожественныхъ сторонъ явленія. Образчикъ вто-

---

[1]) Volkmann, l. c., I. p. 414.

[2]) ср. у Горвича, l. c., p. 249 (цитата.)

раго рода ошибки мы видѣли выше. Теперь мы ознакомимся съ возможностью недоразумѣній первой категоріи. Понятіе контраста конечно очень эластичное; но нигдѣ его эластичность не обнаруживается такъ наглядно, какъ въ группировкѣ Гильдебрандта. Въ первыхъ двухъ случаяхъ онъ называетъ контрастомъ *несходныя* черты разныхъ сторонъ явленія; я говорю съ намѣреніемъ «несходныя», ибо противоположными ихъ никакъ нельзя назвать. Это видно изъ того превращенія понятій, которое мы должны были совершить при окончательномъ построеніи нашихъ формулъ [1]). Въ третьемъ случаѣ Г. идетъ еще далѣе, называя контрастомъ различныя черты вполнѣ независимыхъ обнаруженій феномена. Не бываютъ сновидѣнія виртуозны и безсмысленны одновременно. Одни представляютъ геніальныя комбинаціи, другія—нелѣпыя сочетанія, такъ что въ обоихъ случаяхъ берется не общая особенность всего круга явленій, а частный характеръ отдѣльныхъ его категорій. Можно сказать болѣе того, что одинъ признакъ выражаетъ свойство значительнаго большинства, обычной формы явленія, другой опредѣляетъ характеръ исключительныхъ, рѣдкихъ случаевъ. Дѣйствительно, большая часть сновидѣній представляетъ ничего незначущія и несообразныя съ фактами сочетанія. Въ *рѣдкихъ* случаяхъ психическая жизнь во снѣ удерживается въ какомъ нибудь единичномъ направленіи на томъ уровнѣ полноты и разумности, какой она имѣла на яву, и продолжая операціи дневнаго мышленія, приходитъ къ оригинальнымъ построеніямъ и даже открытіямъ. Прежде чѣмъ опредѣлить связь, которую имѣютъ эти два свойства различныхъ единицъ феномена съ вопросомъ объ *общихъ* его особенностяхъ, которыми мы занимаемся, разсмотримъ подробнѣе все, что надо разумѣть подъ признакомъ *виртуозности* психической жизни во снѣ.

Вотъ какъ описываетъ его Гильдебрандтъ: «Кто, говоритъ онъ, не можетъ подтвердить собственнымъ опытомъ, что въ творчествѣ и сплетеніяхъ сновидѣній (des Traumgenius) иногда обнаруживается такая глубина и искренность духа (des Gemuthes), нѣжность чувства, ясность представленія, тонкая наблюдательность и сила остроумія, какихъ мы не можемъ признать за постоянное достояніе бодрствующей жизни? Сновидѣніе обладаетъ (часто) удивительной поэзіей, превосходной силой аллегоріи, несравненнымъ юморомъ, замѣчательной ироніей. Оно разсматриваетъ міръ въ особенномъ идеализированномъ свѣтѣ.... Оно

---

[1]) Понятія „свободы“ и „связанности“ мы должны были замѣнить терминами „случайности“ и „односторонности“, между которыми нѣтъ ничего общаго и т. д. Очевидно, первые два контраста представляются игрою словъ.

изображаетъ намъ земную красоту въ небесномъ блескѣ, высокое въ высшей формѣ величія, просто страшное въ ужасающемъ видѣ, смѣшное въ неописанномъ комизмѣ.... Наконецъ, продолжаетъ онъ, нельзя отрицать, что у души иногда выростаютъ крылья для быстраго полета во времени. Мы переживаемъ въ сновидѣніяхъ въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ рядъ событій, настоящее теченіе которыхъ обняло бы промежутокъ многихъ лѣтъ» [1]). Очевидно, Гильдебрандтъ изображаетъ въ этомъ описаніи не *свой собственный* взглядъ на дѣло, ибо послѣдующая критика разрушаетъ почти всѣ эти пункты, а *обычное* представленіе о виртуозности сновидѣній. Но тѣмъ не менѣе оно можетъ служить канвою нашего анализа.

Прежде всего замѣтимъ, что Г. весьма справедливо и остроумно нападаетъ на предположеніе потенцированной *скорости* теченія мысли во снѣ. Многіе писатели съ удареніемъ указываютъ на эту особенность. Аберкромби разсказываетъ, какъ его другъ видѣлъ во снѣ переѣздъ черезъ Атлантическій океанъ, пятнадцатидневное пребываніе въ Америкѣ и возвращеніе назадъ съ разными приключеніями, и все это въ теченіи десятиминутнаго сна [2]). Гарнье передаетъ, какъ Наполеонъ, въ неизмѣримо малый промежутокъ времени, видѣлъ во снѣ переходъ черезъ Тагліаменто, канонаду Австрійцевъ и т. д. [3]) Про Магомета съ удивленіемъ сообщаютъ, что онъ заснулъ, видя первыя колебанія падающаго сосуда, во снѣ прошелъ съ подробнымъ осмотромъ всѣ семь отдѣленій рая и, проснувшись, по возвращеніи на землю, успѣлъ еще помѣшать окончательному паденію вазы [4]). «Жизнь во снѣ, выводитъ изъ подобныхъ разсказовъ Фолькманнъ, имѣетъ вообще гораздо болѣе скорое теченіе, чѣмъ на яву» [5]). Но Г. совершенно правильно возражаетъ, что «въ дѣйствительности вѣдь не событія слѣдовали съ такою скоростью, а только живыя картины и представленія событій.... Можно безъ сомнѣнія и въ бодрствующемъ состояніи мысленно совершить съ одинаковою скоростью путешествія, въ родѣ вышеприведенныхъ; все различіе состоитъ въ томъ, что въ послѣднемъ случаѣ мы всегда будемъ сознавать, что только *представляемъ себѣ* объекты и окружающую обстановку, между тѣмъ какъ во снѣ мы считаемъ ихъ дѣйствительными» [6]). И въ самомъ дѣлѣ, развѣ мы не пробѣгаемъ мысленно,

[1]) l. c., p 19 и 20.
[2]) l. c., p. 204.
[3]) Volkmann, l. c, I. p. 416.
[4]) ср. Hildebrandt, l. c., p. 24.
[5]) l. c., I. p. 413.
[6]) l. c., p. 25.

въ теченіи нѣсколькихъ часовъ на яву, цѣлыхъ десятковъ лѣтъ съ ихъ разнообразными происшествіями, когда читаемъ какой нибудь романъ или смотримъ театральную пьесу. Болѣе того, искусство романиста и драматурга состоитъ именно въ томъ, чтобъ еще болѣе сблизить особенности этого препровожденія времени съ характерною чертою сновидѣній, т. е. произвести въ насъ и ту иллюзію реальности, которою отличаются дремы. Въ галлюцинаціяхъ на яву мы имѣемъ еще болѣе полное подобіе сновидѣній. И здѣсь драматизмъ положенія заключается не въ болѣе скоромъ теченіи мыслей, а въ фиктивномъ отожествленіи скорой смѣны идей съ скорою смѣной событій. Впрочемъ эти разсужденія дѣлаются совершенно излишними, если вспомнить только остроумныя психофизическія измѣренія скорости мысли, сдѣланныя Вундтомъ. Онъ приходитъ къ выводу, что *быстрѣйшая мысль* длится $^1/_8$ секунды [1]), значитъ въ 1 минуту могутъ смѣнить другъ друга 480 представленій, въ 10 минутъ—4800, достаточное количество, чтобъ совершить весьма обстоятельное воображаемое путешествіе въ Америку и обратно. Итакъ признакъ скорости сновидѣній основанъ на недоразумѣніи. Въ этомъ отношеніи сновидѣнія не обнаруживаютъ никакой особенной виртуозности.

Гильдебрандтъ въ своемъ описаніи касается далѣе возвышенной оцѣнки явленій во снѣ; земная красота представляется въ небесномъ блескѣ и пр. Отрицать этой особенности сновидѣній нельзя, она всѣмъ извѣстна по опыту; но видѣть въ ней потенцированіе психической жизни, къ чему авторъ повидимому склоненъ [2]), во всякомъ случаѣ невозможно. Преувеличеніе цѣны вещей во снѣ есть только частная форма *несоразмѣрной оцѣнки* ихъ отношеній, которая возможна и въ обратномъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ *уменьшенія* ихъ значенія. Удушье отъ пожара въ комнатѣ, гдѣ мы спимъ, можетъ быть истолковано нашимъ сознаніемъ, какъ непріятное давленіе простой тяжести, положенной кѣмъ-то на нашу грудь. Поэтому разсматриваемая особенность сводится къ упомянутому выше общему признаку случайнаго и произвольнаго характера построеній во снѣ. И въ *ней* нѣтъ намека на какую либо особую виртуозность сновидѣній.

Остается разобрать вопросъ о возможности увеличенной интенсивности во снѣ *различныхъ психическихъ отправленій*, напр. воспріятій внѣшнихъ и внутреннихъ, комбинацій воображенія, дѣйствій мыш-

---

[1]) Душа чел. и жив., I, стр. 46.

[2]) Покрайней мѣрѣ онъ нигдѣ въ своей критикѣ не опровергаетъ этой части вышеприведеннаго текста.

ленія, воспроизведеній памяти и т д. Извѣстны разсказы о томъ, какъ во снѣ растетъ *воспріимчивость* нашего ума столько же къ внѣшнимъ, какъ и къ внутреннимъ перемѣнамъ, когда напр. мы ощущаемъ наступающее крушеніе того зданья, въ которомъ спимъ, и успѣвасмъ спастись бѣгствомъ отъ неминуемой гибели [1]), или дѣлаемся воспріимчивыми къ темнымъ, органическимъ ощущеніямъ, предшествующимъ наступленію какой нибудь болѣзни [2]); какъ увеличивастся во снѣ творческая сила *воображенія*, когда напр. спящій поэтъ придумываетъ рядъ звучныхъ стиховъ (Coleridge) [3]), музыкантъ находитъ искомую музыкальную фразу (Tartini), художнику является грандіозное видѣніе, вдохновляющее его къ написанію какой либо картины (Michel Angelo) [4]); какъ возрастаетъ далѣе сообразительность въ *отвлеченныхъ построеніяхъ:* математикъ, напр. во снѣ часто находитъ нужную формулу, которой тщетно доискивался днемъ (Condorcet); философъ приходитъ къ новому, оригинальному построенію (Condillac); наконецъ ученый естествоиспытатель дѣлаетъ какое либо удачное или остроумное научное открытіе, дѣйствительное или только мнимое, какъ случалось не разъ съ Бурдахомъ [5]); наконецъ и память повидимому способна во снѣ особенно оживляться, такъ что мы вспоминаемъ имена и факты, давно забытые [6]). Примѣровъ въ подтвержденіе всѣхъ этихъ усиленныхъ операцій ума во снѣ приводится безконечное множество; притомъ многіе весьма подозрительнаго свойства: объ ученыхъ открытіяхъ говорятъ люди, и на яву ничѣмъ не ознаменовавшіе своей научной дѣятельности; о музыкальныхъ вдохновеніяхъ своихъ во снѣ разсказываютъ музыканты, ничего не написавшіе, и т. д. Поэтому Вундтъ весьма справедливо предостерегаетъ противъ слишкомъ большой вѣры въ такія свидѣтельства, замѣчая, что «въ природѣ сновидѣній лежитъ вообще болѣе задатковъ къ искаженію нашей дѣятельности» [7]). Но отъ такого скромнаго предостереженія еще далеко до полнаго отрицанія всякаго творчества во снѣ, представителемъ котораго является Гильдебрандтъ. По мнѣнію послѣдняго, всѣ эти разсказы основаны на *грубомъ недоразумѣніи:* «сновидѣнію приписываютъ то, что

---

[1]) ср. Volkmann, l. c, p. 416, Anm. 7.

[2]) Это „патологическіе сны", по выраженію Эскироля, ср. Volkmann, ib. p. 415, Anm. 3

[3]) ср Carpenter, l. c., p. 268, d. Coleridge составилъ во снѣ отъ 200—300 стиховъ и 54 изъ нихъ успѣлъ записать послѣ пробужденія.

[4]) ср. Scherner, l. c., p. 286.

[5]) l c, III. 495 и 496. Одно изъ его сновидѣній „посило сѣмя идей, которыя послѣ развились" въ немъ.

[6]) ср. Abercrombie, l. c., p. 209, 210.

[7]) Wundt, Physiol. Psychol., p. 661.

въ сущности есть только дѣйствіе болѣе или менѣе освѣжающаго и молодящаго сна» [1]); иными словами, всѣ упомянутыя откровенія относятся уже къ эпохѣ, слѣдующей непосредственно за сномъ, когда мы, проспувшись, съ свѣжими силами принимаемся за умственную работу, оставленную наканунѣ, и мгновенно приходимъ къ тѣмъ схемамъ, которыхъ съ вечера напрасно искала наша утомленная мысль.

Такое положеніе кажется намъ по меньшей мѣрѣ одностороннимъ. Если признавать сновидѣнія за продолжающуюся работу сознанія во снѣ, какъ это дѣлаютъ всѣ психологи, то eo ipso необходимо предположить извѣстный процентъ случаевъ, когда эта работа, *случайно* слѣдуя по той же колеѣ, по какой шла и на яву, доводитъ до конца рядъ недоконченныхъ передъ сномъ умозаключеній. Вѣдь можетъ же случиться, что взбѣсившаяся лошадь не сворачиваетъ ни вправо, ни влѣво, а продолжаетъ нести экипажъ по прежней дорогѣ и благополучно доставляетъ къ мѣсту назначенія. Конечно въ обоихъ случаяхъ вторая половина дѣятельности, носитъ иной характеръ чѣмъ первая, характеръ слѣпой *автоматичности*, но это не мѣшаетъ дѣлу: какъ посмертныя судороги въ мускулахъ зарѣзанной курицы могутъ походить въ иныхъ случаяхъ на тѣ движенія, которыя она совершала, пока была жива, такъ и непроизвольныя колебанія мозговыхъ центровъ усыпленнаго организма могутъ давать иногда тѣже результаты, какъ произвольное напряженіе ихъ на яву. Гипотеза безсознательнаго мышленія, къ которой неизбѣжно приходитъ всякій серьезный наблюдатель психической жизни, невольно заставляетъ насъ признать возможность автоматической работы мозга, *безсознательной церебраціи* (unconscious cerebration), какъ выражается Карпентеръ [2]). У этого писателя мы находимъ богатый матеріалъ для оцѣнки важнаго значенія, какое имѣютъ рефлекторныя движенія мозга не только во снѣ, но и на яву (глава XIII). Признавъ убѣдительность фактовъ, приводимыхъ имъ, и выходя изъ гипотезы безсознательной церебраціи, очень легко объяснить геніальность нѣкоторыхъ соображеній спящаго ума. Всякая автоматическая работа отличается *односторонностью*, *сосредоточенностью* и вслѣдствіе этого особенною *виртуозностью* [3]); односторонность зависитъ отъ замкнутости, уединенности всякой безсознательной дѣятельности; сосредоточенность выте-

---

[1]) Hildebrandt, l. c., p. 21—23.

[2]) l. c., p. 515 и слѣд. Ср. A. Maury, l. c., p. 38: „mouvement inconscient du cerveau“.

[3]) „Die Einseitigkeit ist die Mutter der Virtuositat“, говоритъ Hering, Ueber das Gedächtniss, Wien. 1876, p. 20.

каетъ изъ односторонности; виртуозность, энергія творчества зависятъ отъ сосредоточенности [1]). Подобно тому какъ музыкантъ лучше всего исполняетъ пьесу, когда всего менѣе обращаетъ вниманія на свои руки и на свою работу вообще,—и мозгъ, освободившись отъ разсѣивающихъ дѣятельность его сознательныхъ воспріятій [2]), быстрѣе и вѣрнѣе достигаетъ своихъ цѣлей, ибо свободно предоставленъ своимъ силамъ и можетъ безпрепятственно слѣдовать увлекающему его теченію.

Итакъ нѣтъ надобности прибѣгать къ положенію Гильдебрандта, чтобъ объяснить откровенья ума и чувства, совершающіяся въ эпоху сна. Мысль Г. должна быть признана натяжкой тѣмъ болѣе, что обыкновенно даже не здоровый, не освѣжающій, а напротивъ того, болѣзненный и лихорадочный сонъ сопровождаетъ упомянутые феномены автоматическаго творчества [3]). Соглашаясь съ Вундтомъ въ томъ, что сновидѣнія въ значительномъ большинствѣ случаевъ искажаютъ отношенія представленій нашихъ, мы всетаки должны признать, какъ *исключенія*, факты разумнаго мышленія во снѣ или виртуозности сновидѣній, какъ говорятъ иные психологи. Спрашивается, даютъ ли эти явленія новый матеріалъ при описаніи *общихъ* особенностей дремной жизни?

Точная наука должна всегда стремиться объяснять исключенія особою комбинаціею тѣхъ самыхъ условій и причинъ, изъ которыхъ слагается *обычная* форма феномена. Обыкновенный фактъ *искаженія* воспріятій и идей во снѣ объясняется упомянутою выше односторонностью спящаго сознанія въ пользованіи матеріаломъ психической жизни: невозможность справляться, по мѣрѣ надобности, со всѣми запасами опыта имѣетъ слѣдствіемъ—принятіе умомъ на вѣру такихъ нелѣпыхъ посы-

---

[1]) ср. Liébeault, l. c, p. 36: énergie de la pensée proportionnelle à sa concentration; далѣе A. Maury, l. c., p. 37: La concentration de la pensée sur un sujet, l'écart de toute cause de distraction, ne feront que favoriser pendant le sommeil les opérations de l'intelligence; также Carpenter l. c., p 587: Limitation of the Cerebral action to one set of impressions gives to these, as in the state of attention, an unusual potency, so that from this action ideas are evolved, which would not have suggested themselves through the consciousness.

[2]) ср. Volkmann, l. c, p. 411: dem Traume gelingen gerade solche Combinationen, die in den vorhandenen Vorstellungsreihen begründet sind, aber im Wachen nicht zu Stande kamen, weil dieses die Vorstellungen gewaltsam ausseinander hielt.

[3]) Карпентеръ разсказываетъ, какъ одинъ студентъ, послѣ трехъдневной безплодной работы надъ рѣшеніемъ какой-то математической задачи, справился съ нею наконецъ и записалъ еѐ въ третью ночь въ припадкѣ лунатизма. Онъ заснулъ „съ головою, полною цифръ, и умственно-утомленный", проснулся въ дурномъ расположеніи, негодуя на свою неудачу наканунѣ. (l c., p. 594).

локъ, изъ которыхъ неизбѣжно вытекаютъ дальнѣйшія, еще болѣе уродливыя, заключенія и построенія,—подобно тому, какъ отсутствіе большинства музыкантовъ въ оркестрѣ, исполняющемъ трудный и сложный симфоническій концертъ, можетъ не только нарушить гармонію игры, но и прямо вызвать коробящую ухо дисгармонію звуковъ. Но вѣдь тою же самою *односторонностью* сознанія мы объяснили выше и факты древняго творчества. Все зависитъ отъ характера задачи: какъ пять музыкантовъ большаго оркестра не могутъ исполнить хорошо сложной увертюры и отлично могутъ сыграть небольшой квинтетъ, такъ точно нѣсколько уединенныхъ психическихъ центровъ мозга, не имѣя возможности исполнить всей сложной работы бодрствующаго сознанія, могутъ оказаться способными совершить, при гармоническихъ усиліяхъ, какую нибудь частную, очень спеціальную работу мышленія: нужно только, чтобъ это были центры *взаимнодѣйствующіе*. Вѣдь и на яву каждую спеціальную задачу выполняетъ не весь мозгъ въ совокупности, а только незначительное число какихъ нибудь взаимнодѣйствующихъ центровъ. Стало быть, искаженіе и виртуозность въ сновидѣніяхъ объясняются одной причиною—односторонностью умственныхъ комбинацій во снѣ. Все различіе въ томъ, что въ первомъ случаѣ незначительный запасъ энергіи усыпленнаго ума разсѣявается на извѣстное число отдаленныхъ и уединенныхъ другъ отъ друга центровъ дѣятельности, и мысль, какъ сильно разведенная въ водѣ краска, теряетъ свои специфическія свойства, дѣлаясь слабымъ подобіемъ прошедшаго; во второмъ случаѣ наоборотъ небольшой запасъ оставшейся энергіи сознанія собирается въ одно мѣсто, въ одинъ спеціальный органъ мозга, и въ этомъ сосредоточенномъ видѣ представляетъ цѣнный экстрактъ, обладающій въ малыхъ размѣрахъ всѣми свойствами прототипа. Отсюда само собой очевидно, что изъ третьяго контраста Г. трудно извлечь что-нибудь новое для опредѣленія общихъ характеровъ сновидѣній. Не говоря уже о томъ, что онъ касается только различныхъ частныхъ обнаруженій феномена,—онъ и по отношенію къ этимъ частнымъ случаямъ представляетъ только новую формулу для выраженія тѣхъ основныхъ свойствъ, которыя мы уже отмѣтили.

Односторонность и несамобытность матеріала, случайность и произвольность построенія—вотъ эти основныя свойства. Перейдемъ теперь къ вопросу о разнообразномъ *происхожденіи* сновидѣній. «Одинъ изъ интереснѣйшихъ предметовъ изслѣдованія, говоритъ Аберкромби, прослѣдить способъ, по какому образуются отдѣльныя видѣнія (particular visions) или ряды картинъ (series of images)» [1]). Къ нему мы и приступимъ.

---

[1]) l. c., p. 199.

Если свести въ одно цѣлое всѣ разбросанныя, въ трактатахъ о сновидѣніяхъ, замѣчанія о различныхъ факторахъ, при помощи которыхъ слагаются сенсорныя дремы, то эти факторы окажется возможнымъ выразить въ слѣдующихъ шести наименованіяхъ: 1) *воспоминанія*, воспроизведенія прошлыхъ впечатлѣній, 2) *привычныя чувствованія*, которыя даютъ свой колоритъ представленіямъ, занимающимъ спящее сознаніе, 3) *внѣшнія впечатлѣнія* зрѣнія, слуха и т. д., которыя спорадически разрываютъ завѣсу, отдѣляющую нашъ умъ во снѣ отъ окружающаго міра, 4) *органическія*, т. е *внутреннія ощущенія* сопровождающія нормальные и непормальные растительные процессы организма во снѣ, 5) дѣятельность *воображенія* или *построительной ассоціаціи*, какъ выражаются англійскіе психологи, которая облекаетъ отдѣльные элементы сознанія въ цѣльныя, болѣе или менѣе фантастическія комбинаціи, 6) *автоматическая работа мозга*, которая совершается исподтишка, въ силу органической необходимости, и внезапно выдвигаетъ на поверхность сознанія неизвѣстно какъ сложившіяся идеи.

Вникая въ это перечисленіе, мы замѣчаемъ прежде всего разнохарактерность его элементовъ. Воспоминанія, напр., очевидно представляютъ матеріалъ, содержаніе сновидѣній, воображеніе напротивъ есть начало, дающее форму, комбинирующее элементы этого матеріала. Стало быть, надо точнѣе опредѣлить роль, какую играютъ отдѣльныя единицы въ общей работѣ, и тогда окажется, что ихъ можно слить въ меньшее число группъ.

Во первыхъ воспоминанія, какъ мы уже сказали, составляютъ *матеріалъ* сновидѣній. Воспроизведенія наши во снѣ касаются самыхъ различныхъ эпохъ и впечатлѣній весьма разнообразной интенсивности: вспоминаются впечатлѣнія прошлаго дня [1]), недавняго времени вообще [2]), всей нашей прошедшей жизни, иногда самыя смутныя и далекія [3]); при этомъ впечатлѣнія, сильно занимавшія наше сознаніе, наряду съ мимолетными, которыя вовсе не поразили насъ на яву, проскользнули мимо вниманія нашего, и тѣмъ не менѣе откликнулись въ фантастическихъ

---

[1]) ср. A. Maury, l. c., p. 39.

[2]) Recent events and recent mental emotions, по выраженію Аберкромби, l. c., p. 199.

[3]) Old associations, respecting things, which had entirely passed out of the mind and which seemed entirely forgotten (Abercrombie, l. c., p. 204) или, какъ выражается Карпентеръ, traces left upon the brain by occurences long since past, which have completely faded out of the conscious memory (l. c., p. 587).

комбинаціяхъ дремнаго состоянія [1]). Очевидно, всѣ эти воспроизведенія въ своей *конкретной* формѣ представляютъ не активную рабочую силу, строящую дремныя картины, а пассивный матеріалъ, изъ котораго воздвигается цѣлое. Это краски, а не кисть художника.

Тоже значеніе матеріала, можетъ быть нѣсколько иного свойства, имѣютъ повидимому и привычныя чувствованія Lélut говоритъ, что въ сновидѣніяхъ иногда проявляются тѣ преобладающія волненія (préoccupations), которыя занимаютъ насъ въ теченіи долгихъ лѣтъ, напр. какой-нибудь сильный страхъ, сильное желанье, сильные упреки совѣсти [2]). Карпентеръ тоже замѣчаетъ, что «наши чувства любви, ненависти, страха, безпокойства, служатъ обильными источниками цѣлыхъ серій сновидѣній» [3]). И это касается не только людей, но и животныхъ, на сколько они способны грезить во снѣ [4]). Такъ Бурдахъ говоритъ, что изъ движеній спящей охотничьей собаки можно предположить, что содержаніе ея грезъ составляютъ событія и чувства, сопровождающія охоту [5]). Такъ какъ чувства наши гораздо немногочисленнѣе и однообразнѣе представленій, то одно какое-нибудь и служитъ обыкновенно цементомъ, связующимъ несоизмѣримые и неимѣющіе ничего общаго элементы нашего мыслящаго сознанія, подобно тому какъ известка скрѣпляетъ отдѣльные кирпичи и камни при постройкѣ. «Положимъ, говоритъ Аберкромби, мы слышимъ о какомъ-либо печальномъ происшествіи; затѣмъ мы получили непріятныя извѣстія объ отсутствующемъ другѣ; и наконецъ мы были заинтересованы въ какомъ-нибудь дѣлѣ, которое подаетъ поводъ къ безпокойству; мы видимъ сонъ, въ которомъ всѣ эти обстоятельства сплетены въ одно цѣлое: мы сами оказываемся прикосновенны къ печальному происшествію, отсутствующій другъ оказывается при этомъ вмѣстѣ съ нами и тутъ же на сцену является лицо, съ которымъ мы имѣли дѣловыя отношенія. Единствен-

---

[1]) Карпентеръ разсказываетъ любопытный случай съ однимъ судьей. Онъ спалъ разъ. во время путешествія, въ чужомъ домѣ, и видѣлъ во снѣ, что ящерицы ползали по его тѣлу. Онъ сначала не могъ понять причины такого сновидѣнія, когда, случайно зайдя въ ту комнату, гдѣ провелъ вечеръ, увидѣлъ изображеніе ящерицъ на каминныхъ часахъ. This he must have *seen* without *noticing* it, говоритъ К., and the sight must have left a „trace“ in his brain, though it left no record in his conscious memory (l. c., p 588).

[2]) Franck, Dictionn. des sciences philos., Art. Sommeil, p. 1646, ab.

[3]) l. c., p. 585, b.

[4]) ср. Houzeau, Etudes s. les fac. ment. des anim. Mons. 1872, I, p. 136.

[5]) l. c., p. 498: „er spurt, schlagt an, setzt nach.“

ное звѣно, связавшее эти событія, состоитъ въ томъ, что всѣ они подавали поводъ къ эмоціи одного и тогоже вида (чувство сожалѣнія)» [1]). Этотъ примѣръ очень ясно рисуетъ роль чувствованій въ ассоціаціяхъ сновидѣній,—они представляютъ тоже *репродукцію* прошедшихъ психическихъ состояній и служатъ составнымъ элементомъ построенія, частью его *матеріала*, но въ особомъ специфическомъ значеніи *цемента*, связывающаго прочія части,—полотна, на которое ложатся краски живописующаго воображенія.

Значитъ, оба первые фактора имѣютъ одинаковый смыслъ; различіе касается раздѣленія работы въ частностяхъ.

Такое же отношеніе можетъ быть замѣчено между пятымъ и шестымъ факторомъ Очевидно, дѣятельность *воображенія* отличается во снѣ отъ автоматической работы мозга только *сознательностью* своихъ построеній, такъ какъ произвольностью она въ этомъ случаѣ не обладаетъ; отношеніе этихъ двухъ дѣятельностей, достигающихъ въ концѣ концовъ одинаковыхъ результатовъ, весьма похоже на отношеніе работы ручной и машинной въ шитьѣ и въ другихъ производствахъ. Объ участіи воображенія въ построеніяхъ сознанія во снѣ говорятъ многіе писатели [2]), но надо точнѣе выяснить, какъ понимать этотъ терминъ, ибо ему придаются различныя значенія. Иногда имъ ограничиваютъ дѣятельность ума, строящую *новыя* комбинаціи идей, не соотвѣтствующія даннымъ прошедшаго опыта (Dugald Stewart). Но мы полагаемъ что уже гораздо правильнѣе, подобно Бэну, разсматривать дѣятельность воображенія въ тѣсномъ смыслѣ, какъ частный видъ построительной работы ума *вообще*, не различая степени новизны ея продуктовъ [3]). Бэнъ приписываетъ воображенію (imagination) тѣ построенія, въ которыхъ участвуетъ элементъ чувства (emotion), которыя имѣютъ «нѣкоторую претензію доставлять удовольствіе», по выраженію Джемса Милля; поэтому онъ отожествляетъ построенія воображенія (imaginative compositions) съ построеніями артистическими, эстетическими [4]). Но и это частное разграниченіе едвали правильно. Ученый въ своихъ абс-

---

[1]) l. c., p. 199 и 200.

[2]) Напр. Carpenter употребляетъ въ этомъ случаѣ терминъ constructive Imagination, l. c., p. 587. Ср. Darwin, Descent of man, p. 74: Dreaming gives us the best notion of this power (sc. Imagination). Frohschammer говоритъ объ Subjective Phantasie, какъ Gestaltungspotenz при построеніи сновидѣній. (Die Phantasie, Munch. 1877, p. 546).

[3]) The Senses and the Intellect, Lond. 1868, p. 570, 599 и слѣд.

[4]) l. c., p. 600 и 601 (прим.)

трактныхъ комбинаціяхъ тоже можетъ быть подстрекаемъ чувствомъ, напр. самолюбіемъ, и стремиться къ пробужденію чувства, напр. удивленія. Поэтому вышеупомянутый элементъ *эмоціи* не проводитъ никакой рѣзкой черты между артистическимъ творчествомъ и другими категоріями. Притомъ мы привыкли и въ разговорномъ языкѣ употреблять терминъ воображенія, примѣняя его къ разнообразнымъ родамъ построеній. «Гигантскій мостъ, переброшенный Ньютономъ отъ яблока, упавшаго на землю, къ лунѣ, падающей на солнце, въ своемъ существѣ былъ ничѣмъ инымъ, какъ дѣломъ воображенія», говоритъ Тиндалль [1]). Въ виду такихъ фактовъ повидимому правильнѣе понимать это слово въ обширномъ значеніи, отождествляя его вполнѣ съ *построительной ассоціаціей*, на сколько она происходитъ безъ умысла и безъ контроля, въ противоположность къ произвольному и направленному къ *извѣстной* цѣли *мышленію*. Когда Бурдахъ видѣлъ во снѣ, что кровь вращается собственною силою и уже потомъ приводитъ въ движеніе сердце [2]), то эту построительную ассоціацію всякій назоветъ продуктомъ воображенія, а не мышленія, несмотря на ея отвлеченно-научный характеръ.

О значеніи автоматической работы мозга во снѣ мы уже говорили выше, и потому прямо можемъ перейти къ выводу, что построительная ассоціація ума и безсознательная церебрація имѣютъ одинаковое значеніе *агентовъ*, комбинирующихъ разрозненные элементы сознанія, изъ которыхъ образуются сенсорныя дремы. Ихъ различіе состоитъ только въ степени сознательности, а такъ какъ эти степени весьма разнообразны, то разбираемыя понятія представляютъ лишь maximum и minimum, между которыми возможенъ рядъ переходовъ. Въ виду этого, всего удобнѣе сказать вмѣстѣ съ Вундтомъ, что во снѣ обнаруживается вообще «лежащее въ первоначальной или пріобрѣтенной организаціи мозга *предрасположеніе къ связному теченію представленій*» [3]), не упоминая о томъ, насколько сознательны или безсознательны отдѣльныя промежуточныя звѣнья цѣлаго.

Спрашивается теперь, какое значеніе имѣютъ въ дремныхъ комбинаціяхъ остальные два фактора—внѣшнія и внутреннія *ощущенія*? Однородность ихъ очевидна: мы часто, даже на яву, не въ состояніи

---

[1]) Роль воображенія въ разв. ест. наукъ. Пер. Павленкова, Вятка 1873, стр. 11.

[2]) l. c., p. 496.

[3]) Disposition zu einem zusammenhängenden Vorstellungsverlauf. Wundt. Phys. Psych., p. 191.

отличить воспріятій, имѣющихъ внѣшнее происхожденіе отъ тѣхъ, которыя имѣютъ источникомъ органическое состояніе нашихъ тканей; извѣстно, что всѣ внѣшнія впечатлѣнія могутъ имѣть ближайшимъ поводомъ органическія явленія въ центрахъ или органахъ воспріятія (галлюцинаціи) и обратно, органическія ощущенія возникаютъ иногда отъ внѣшнихъ причинъ (боль отъ давленія или удара). Отсюда естественно рождается мысль, что внѣшнія и внутреннія ощущенія должны играть одну и туже роль въ составѣ сновидѣній. Но какую роль?

Значеніе активнаго, комбинирующаго принципа они имѣть не могутъ,—это само собою ясно. Остается, или разсматривать ихъ, какъ матеріалъ сновидѣній, или же найти имъ новое назначеніе Большая часть изслѣдователей понимаетъ ихъ въ первомъ смыслѣ, ставя на одну линію съ воспоминаніями. Такъ напр. Бурдахъ говоритъ, что матеріалъ для сновидѣній доставляютъ: память, органическія чувства и внѣшнія ощущенія [1]). Того же мнѣнія держатся Аберкромби [2]), Вундтъ [3]) и другіе. Но намъ кажется, что роль воспоминаній и ощущеній не одинаковая. Извѣстно, что ощущенія никогда не входятъ въ составъ сновидѣній въ своемъ натуральномъ, настоящемъ видѣ. Напротивъ, они совершенно перетолковываются. Ридъ разсказываетъ, что пластырь, приложенный къ больной головѣ, произвелъ въ немъ сонъ объ индѣйцахъ, которые будто бы напали на него и скальпировали его голову, т. е. содрали кожу съ его черепа [4]). Сосудъ теплой воды у ногъ заставилъ Дж. Грегори увидѣть во снѣ прогулку по раскаленному кратеру Этны [5]). «Неудобное положеніе спящаго, говоритъ Вундтъ, вызываетъ представленіе о тяжелой работѣ или объ опасномъ восхожденіи на гору...» [6]). Кусокъ пищи въ зубахъ производитъ картину роскошнаго пира. Щекотаніе надъ верхней губою заставляетъ человѣка, не имѣющаго усовъ, видѣть себя во снѣ усатымъ [7]) и т. д. Откуда явились въ этихъ снахъ индѣйцы, кратеръ Этны, восхожденіе на гору, представленіе о пирѣ, и пр. Очевидно, это все воспоминанія, воспроизведенія; они даютъ со-

---

[1]) l. c., p. 499.

[2]) A. считаетъ источниками сновидѣній: a) недавнія впечатлѣнія, b) тѣлесныя ощущенія (bodily sensations), c) старыя забытыя ассоціаціи, d) природныя наклонности и душевныя волненія, l. c., p. 199—211.

[3]) ср. Phys. Psych., p. 659.

[4]) Works, l. c., I, p. 34.

[5]) Abercr., l. c., p. 201.

[6]) Phys. Psych., p 657.

[7]) Strümpell, l. c., p. 115.

держаніе сновидѣнію; самыя же воспріятія, ихъ вызвавшія, неизвѣстно куда дѣваются; ихъ можно открыть только путемъ символическаго толкованія, часто путемъ однихъ догадокъ [1]). Интересно, что часто одно и тоже впечатлѣніе, у одного и того же лица, въ разные дни причиняетъ различныя сновидѣнія. Такъ Гильдебрандтъ разсказываетъ, что трезвонъ будильника вызвалъ въ немъ однажды картину прогулки въ церковь и представленіе церковнаго благовѣста, въ другой разъ онъ видѣлъ во снѣ прогулку на саняхъ съ колокольчиками, въ третій разъ ему приснилось, что служанка его уронила на полъ и разбила груду тарелокъ. И такихъ разнообразныхъ сновидѣній, вызванныхъ одною и тою же причиною, онъ беретъ привести сотню [2]). Откуда въ этихъ случаяхъ различіе? Несомнѣнно источникъ его лежитъ въ разнообразной почвѣ ассоціацій, воспоминаній, на которыя пало воспріятіе; значитъ, ощущенія, внѣшнія и внутреннія, при своей отрывочности и неполнотѣ [3]), неспособны дать матеріальное содержаніе сознанію спящаго. Ихъ единственная роль: дать *толчокъ*, *направленіе* построительной ассоціаціи ума, почерпающей дальнѣйшіе элементы своихъ комбинацій исключительно изъ запасовъ памяти, прошлаго опыта субъекта. Ощущенія внѣшнія и внутреннія составляютъ только общую мораль тѣхъ басенъ, которыя плететъ воображеніе [4]).

Значитъ, въ построеніи сновъ участвуютъ три различные фактора: роль *толчка*, выводящаго сознаніе изъ временнаго состоянія омертвѣнія и направляющаго его первыя движенія, выполняютъ ощущенія органическія и внѣшнія; роль *матеріала*, которымъ питается на половину пробудившаяся мысль, играютъ воспроизведенія памяти, въ формѣ идей

---

[1]) Какая шаткая почва лежитъ въ основаніи ихъ, видно изъ тѣхъ абсурдовъ, къ какимъ пришелъ Шернеръ въ своей попыткѣ объяснить большое число сновидѣній, какъ символизацію ощущеній, особенно органическихъ. Одной дамѣ, страдавшей сильной головной болью, снилось, что весь потолокъ ея комнаты покрытъ паутинами; Шернеръ, въ своемъ желаніи свести эту картину къ элементамъ воспріимчивости, предлагаетъ нелѣпое объясненіе: паутины возникли изъ ощущенія органическихъ перемѣнъ во внутреннихъ извилинахъ головнаго мозга (innere Hirnwindungen des Kopfes); паутины—символическое подражаніе (Nachbildung) этимъ извилинамъ. (Das Leben des Traums, 207).

[2]) l. c., p. 37 и 38.

[3]) Perty остроумно замѣчаетъ, что во снѣ происходитъ „nicht eigentliche Sinneswahrnehmung, sondern nur Sinnesrührung.“ (Myst. Ersch., I, p. 68).

[4]) Сравненіе дѣятельности воображенія во снѣ съ баснописаніемъ см. Carpenter, l. c, p. 586.

или чувствованій; роль *строителя*, приводящаго разрозненные элементы репродукціи въ одно связное цѣлое, играетъ сознательная и безсознательная церебрація, дѣятельность воображенія въ обширномъ смыслѣ слова. При этомъ вся построительная работа совершается по обыкновеннымъ законамъ ассоціаціи и репродукціи. Законовъ воспроизведенія насчитываютъ до шести: по сходству, контрасту, сосуществованію, послѣдовательности, по отношенію средства къ цѣли, причины къ дѣйствію. «Всѣ эти правила, говоритъ Штрюмпель, лежатъ въ основѣ не только первоначальныхъ дремныхъ сочетаній, но и дальнѣйшаго ихъ развитія (ихъ продолженій—Fortsetzungen)» [1]), что наглядно подтверждается многочисленными примѣрами, которые онъ приводитъ.

Значитъ, не новымъ способомъ образованія отличаются вообще дремныя комбинаціи: элементы сознанія и законы ихъ соединенія пребываютъ тѣми же, что и на яву; вся разница въ интенсивности работы. Воспріятія, возникающія изъ перемѣнъ въ окружающей обстановкѣ и въ самомъ организмѣ, вмѣсто правильной послѣдовательности и непрерывнаго теченія, только время отъ времени небольшими каплями падаютъ на поверхность сознанія и, производя легкую зыбь на этой поверхности, не увеличиваютъ замѣтнымъ образомъ содержанія представленій. Репродукція воспоминаній совершается по большей части вяло и безпорядочно: какъ будто въ темнотѣ и ощупью происходитъ движеніе мысли, и самые близкіе и крупные предметы остаются во мракѣ, точно бы ихъ и не существовало; значительная доля запасовъ опыта непроизводительно пропадаетъ для сознанія, и оттого происходятъ уродливыя искаженія. «Въ силу природнаго предрасположенія вѣрить своимъ чувствамъ, своимъ воспоминаніямъ, вѣрить *себѣ*, что представляется результатомъ инстинктивной потребности самосохраненія» [2]),—инстинкта самосохраненія, мысль довѣрчиво слѣдитъ за порывистыми скачками воображенія и ошибается, не обладая обычными средствами опытной повѣрки. Творческая сила мысли во снѣ тоже значительно слабѣе, чѣмъ на яву. Каждый знаетъ изъ своего опыта, что воображеніе не способно справиться во снѣ со всѣми элементами того относительно небольшаго матеріала, который у него подъ руками. Новые факты безпрестанно сбиваютъ его, заставляютъ бросать недоконченнымъ одно сплетенье и начинать другое: отсюда неясность и непослѣдовательность идей. Все сказанное заставляетъ сближать сновидѣнія съ психическими актами сума-

---

[1]) l. c., p. 11 и 12.

[2]) ср. Liébeault, l. c., p. 43.

шедшаго. По мнѣнію A. Maury, «сонъ» есть точка отправленія всѣхъ феноменовъ умственнаго разстройства, ихъ элементарная форма [1]). «Сновидѣніе, превращенное въ дѣйствіе (какъ это дѣйствительно бываетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ сомнамбулизма), говоритъ H. Holland, получило бы значеніе умственнаго разстройства въ одной изъ обычныхъ формъ его проявленія, и обратно, сумашествіе можетъ быть часто и съ удобствомъ названо бодрственнымъ (waking) и дѣйственнымъ (active) сновидѣніемъ» [2]). Аналогія всего яснѣе обнаруживается въ переходныхъ ступеняхъ. Какъ назвать, напр., бредомъ сумашествія или сновидѣніемъ смѣну фантастическихъ картинъ въ умѣ одного больного, какъ только онъ закрывалъ глаза и какъ только прекращался притокъ зрительныхъ впечатлѣній въ его сознаніе [3])? Аберкромби разсказываетъ, со словъ Грегори, еще болѣе поразительный случай съ маніакомъ, который, по выздоровленіи своемъ, въ теченіи недѣли былъ преслѣдуемъ во снѣ тѣми самыми порывистыми мыслями (tumultuous thoughts) и сильными страстями (violent passions), которыя волновали его въ періодъ помѣшательства [4]). Различіе обоихъ феноменовъ состоитъ, стало быть, только въ степени продолжительности и урочности того и другого: сновидѣнія—острое сумашествіе; умственное разстройство—постоянно продолжающіяся, возведенныя въ степень хроническаго состоянія, сновидѣнія. Отсюда естественно предположить, что и *матеріальныя условія*, сопровождающія психическую дѣятельность во снѣ, какъ и въ состояніи умственнаго разстройства, представляютъ *количественное*, а не качественное, отклоненіе отъ тѣхъ же условій во время бдѣнія.

Я уже говорилъ о попыткахъ объяснять сновидѣнія преобладающею дѣятельностью другихъ центровъ сознательности, сравнительно съ дѣйствующими на яву (напр. продолговатаго мозга). Было время, когда ученые дѣлали еще болѣе наивныя предположенія. Одни говорили объ особомъ органѣ сновидѣній (Шопенгауеръ), другіе даже объ особомъ органѣ сна (Organ des Schlafes: Friedlander) [5]). Въ пользу же возможности различной локализаціи сознанія въ разныхъ центральныхъ органахъ во снѣ и на яву, въ пользу перенесенія его у спящаго изъ высшихъ центровъ въ низшіе, изъ большого мозга въ малый, продолговатый или спинной, высказываются даже такіе сильные и новые авторитеты, какъ Фехнеръ и

---

[1]) l. c., p. 347.

[2]) Chapters on mental Physiology. Sec. Ed., London. 1858. p. 40.

[3]) см. Luys, Le cerveau etc., p. 155, прим. 1.

[4]) l. c., p. 224.

[5]) см. Burdach, l. c., p. 509.

Горвичъ [1]). Но въ виду того, что въ составѣ сновидѣній, какъ мы показали въ предыдущемъ анализѣ, нельзя открыть никакихъ специфическихъ особенностей, которыя бы не могли быть сведены въ концѣ концовъ къ ослабленію интенсивности воспріятій, репродукціи и построительной ассоціаціи въ изслѣдованіяхъ современныхъ ученыхъ преобладаетъ убѣжденіе, что во снѣ дѣйствуютъ тѣже органы сознанія, только *въ болѣе слабой степени*, и эта гипотеза гораздо вѣроятнѣе: помимо ея нельзя было бы объяснить появленія въ дремахъ отвлеченныхъ идей и соображеній. Вотъ какъ ее выражаютъ различные писатели. Люисъ говоритъ, что «сновидѣнія ничто иное, какъ продолжающееся колебаніе извѣстныхъ группъ мозговыхъ клѣтокъ, находящихся въ періодѣ возбужденія, въ то время, какъ большая часть сродныхъ имъ клѣтокъ (leurs congénères) уже погружена въ сонъ» [2]). A. Maury, одинъ изъ главныхъ защитниковъ гипотезы полу-возбужденнаго состоянія всѣхъ частей мозга во снѣ, замѣчаетъ тоже, что притупленіе дѣятельности, которое составляетъ сущность сна, не сразу и не въ одинаковой степени захватываетъ всѣ части церебро-спинальной системы; первое доказательство тому—процессъ засыпанія: не всѣ активныя и сознательныя функціи сразу прекращаются; второе доказательство—процессъ пробужденія; иные органы долѣе другихъ пребываютъ въ состояніи притупленія [3]). Конфликтомъ отдѣльныхъ органовъ, отдѣльныхъ пробужденныхъ участковъ мозга, по его мнѣнію, объясняется различный характеръ сновидѣній. Чѣмъ больше число пробужденныхъ участковъ, тѣмъ яснѣе теченіе представленій и тѣмъ болѣе слѣдовъ остается въ сознаніи отъ прошедшихъ дремъ [4]). Perty тоже говоритъ, что сновидѣнія происходятъ «изъ совокупной дѣятельности (Mitwirkung) отдѣльныхъ неусыпленныхъ или неполно усыпленныхъ органовъ мозга» [5]). Наконецъ Фолькманъ называетъ сновидѣнія неполнымъ, «частичнымъ пробужденіемъ (theilweises Erwachen)» ума [6]).

Отъ какихъ же условій зависитъ фрагментарная пробужденность и усыпленность отдѣльныхъ органовъ сознанія во снѣ?

---

[1]) см. выше, стр. 8, прим. 1.

[2]) Le cerveau etc, p. 154.

[3]) l. c., p. 35, ср. Luys, Rech. s. le syst nerv., p. 444.

[4]) ср. ib. p 36.

[5]) Myst. Ersch. I, p. 68, ср. ib. II, p. 354, гдѣ онъ употребляетъ выраженіе: fragmentarische Thatigkeit nicht ganz eingeschlafener Organe des individuellen Menschen.

[6]) l. c., I, p. 409.

Фолькманъ говоритъ о *неравномѣрной* степени *утомленія* (der ungleiche Ermudungsgrad) [1]) центровъ, вслѣдствіе которой одни, пресытившись работой, погружаются въ состояніе покоя, другіе, отчасти или вполнѣ свѣжіе, продолжаютъ или даже начинаютъ дѣйствовать во снѣ. Мори говоритъ о *неравномѣрной возбужденности* центровъ: перевозбужденность (surexcitation) нѣкоторыхъ клѣтокъ не дозволяетъ имъ придти въ состояніе покоя одновременно съ другими, умѣренно или слабо возбужденными [2]). Люисъ, упоминая о томъ же условіи [3]), присовокупляетъ къ нему еще одно новое: *неравномѣрную впечатлительность* центральныхъ клѣтокъ. Нѣкоторые центры даннаго субъекта обладаютъ *специальною* чувствительностью, воспріимчивостью (impressionabilité spéciale, réceptivité particulière), вслѣдствіе которой они легче и при малѣйшемъ толчкѣ приходятъ въ состояніе вибраціи и дѣлаются *центрами призыва* (centres d'appel) для другихъ собраній клѣтокъ, съ которыми они имѣютъ наибо́льшее родство или самое удобное сообщеніе [4]).

Итакъ *относительная свѣжесть*, *чрезмѣрное возбужденіе* и *специальная чувствительность*—три важнѣйшія условія, вызывающія спорадическую дѣятельность извѣстныхъ частей мозга во снѣ. Это условія, если такъ можно выразиться, *психофизическія*. Но есть и чисто органическія причины, подробный анализъ которыхъ выходитъ изъ предѣла нашихъ задачъ. Достаточно упомянуть одну изъ нихъ, указываемую Вундтомъ, а именно чрезмѣрное накопленіе продуктовъ разложенія въ кровяныхъ сосудахъ мозга, служащее, по его мнѣнію, главнымъ источникомъ иннервації во всякой автоматической дѣятельности центровъ [5]).

Все сказанное еще болѣе подтверждаетъ отмѣченное выше родство сновидѣній съ явленіями помѣшательства. Послѣднее обыкновенно тоже зависитъ или отъ продолжительнаго, хроническаго утомленія, или отъ чрезмѣрнаго возбужденія центровъ (сумашествіе отъ спиртныхъ напитковъ), или наконецъ отъ постояннаго накопленія разложившихся продуктовъ въ тканяхъ мозга «Въ обоихъ случаяхъ, говоритъ Мори, мозгъ уже не можетъ дѣйствовать съ достаточною силой, такъ чтобъ

---

[1]) ib. p. 409.

[2]) l. c., p. 37.

[3]) cp. Rech s. le syst nerv., p. 443: „Les rêves ne sont donc que la continuation pendant l'état de sommeil de l'activité spontannée des cellules cérébrales qui *plus fortement ébranlées* achèvent leurs oscillations vibratoires, avant de rentrer dans leur situation de repos“...

[4]) Le cerveau, p. 154.

[5]) Phys. Psych., p. 191.

идеи формировались правильно и сознаніе сохранилось неприкосновен_ нымъ» [1]).

Итакъ путемъ критическаго анализа мы выяснили, каковъ характеръ разбираемаго феномена съ строго-научной точки зрѣнія. Мы опредѣлили *особенности* сновидѣній, которыя состоятъ въ односторонности и несамобытности матеріала сознанія, случайности и произвольности его комбинацій; отличили главные *факторы*, изъ которыхъ слагаются сенсорныя дремы, каковыми оказались 1) ощущенія, какъ направляющее начало, 2) воспоминанія, какъ элементы содержанія, 3) дѣятельность воображенія, какъ комбинирующій агентъ; наконецъ указали *матеріальныя условія* феномена,—неравномѣрное психофизическое состояніе центровъ и вытекающая отсюда неравномѣрная ихъ дѣятельность, сближающія дремное состояніе съ состояніемъ умственнаго разстройства. Теперь остается рѣшить еще одинъ теоретическій вопросъ: возможно ли на основаніи всѣхъ добытыхъ результатовъ выполнить, по отношенію къ феномену сновидѣній, послѣднюю задачу всякаго научнаго анализа, создать ихъ правильную и *естественную классификацію?*

Мы выше говорили объ односторонности термина «сновидѣніе» и предложили слово «дрема» для обозначенія всѣхъ проблесковъ животной жизни во снѣ. Этимъ самымъ мы положили первую основу естественной классификаціи. Понятіе дремы въ своемъ обширномъ значеніи обнимаетъ, какъ мы видѣли, два строго-раздѣльные класса явленій: 1) *сенсорнаго* характера 2) *моторнаго* характера [2]); къ нимъ можно прибавить въ 3) явленія *смѣшаннаго* типа (сенсорно-моторныя дремы). Еслибъ мы сознавали во снѣ неловкое положеніе нашего корпуса и, непринявъ противъ этого никакихъ мѣръ движеніями своими, построили бы на этомъ основаніи сложную картину какой нибудь борьбы съ медвѣдемъ и лежанія подъ тяжестью навалившагося на насъ чудовища, то дрема была бы чисто сенсорная. Еслибъ тоже неловкое положеніе, не произведя никакого впечатлѣнія на наше сознаніе, послужило бы только импульсомъ для какихъ либо автоматическихъ движеній во снѣ, то такія движенія принадлежали бы къ типу чисто моторныхъ дремъ. Еслибы наконецъ, ощутивъ неловкость положенія и истолковавъ

---

[1]) l. c., p. 342.

[2]) Это дѣленіе имѣетъ основаніемъ физіологическое положеніе о различіи сенсорныхъ и моторныхъ центровъ, распространенное въ послѣднее время и на большой мозгъ, органъ сознанія въ собств. смыслѣ. Ср. доказательства, собранныя у Куссмауля, Die Störung. d. Sprache, 1877, p. 119 и слѣд.

её по своему, мы приняли одновременныя мѣры къ устраненію зла, то дрема была бы смѣшаннаго характера. Всѣ эти три категоріи явленій могутъ раздѣльно сопровождать нашъ сонъ. Обычныя сновидѣнія у человѣка съ спокойнымъ темпераментомъ принадлежатъ бо́льшею частью къ первому типу. Безсознательное метанье во снѣ людей безпокойныхъ, а равно и лунатическія похожденія относятся ко второй категоріи [1]), представляя различіе только степенью нормальности. Наконецъ разговоръ во снѣ, сопровождающій болѣе или менѣе ясныя грезы у людей холерическаго темперамента, представляетъ смѣшанную форму [2]).

По такой общей классификаціи для насъ мало, такъ какъ мы разбираемъ явленія лишь одного перваго типа. Спрашивается, возможно ли дальнѣйшее дробленіе этой одной формы сенсорныхъ дремъ или *сновидѣній*. Мы уже видѣли выше, что можно дѣлить сновидѣнія на группы, смотря по ихъ *интенсивности*, т. е. запоминаемости (ибо одно съ другимъ совпадаетъ). Въ этомъ отношеніи мы можемъ отличать 1) ярко запоминаемыя, 2) смутно запоминаемыя, 3) забываемыя картины дремлющаго сознанія. Но и этого дѣленія мало: оно не касается состава, содержанія сновидѣній. Въ эпоху мистической вѣры въ пророческій смыслъ «сновъ» потребности въ *такой* классификаціи удовлетворяли дѣленія въ родѣ Меланхтоновскаго, въ которомъ сны группировались, по происхожденію, на простые, пророческіе, божественные и демонскіе (teufliche) [3]). Чѣмъ замѣнить подобныя системы при эмпирическомъ взглядѣ на дѣло? Попытку разгруппировать сновидѣнія, по ихъ *составу*, мы находимъ въ замѣчательномъ трудѣ Шернера. Онъ насчитываетъ ихъ до одинадцати категорій, по характеру психическихъ силъ (psychischer Kräfte), въ нихъ проявляющихся [4]). Вотъ эти категоріи: 1) сновидѣнія, которыя не соединяются никакими звѣньями съ объективною дѣйствительностью и, образуясь по «шаблону» мышленія на яву, составляются посредствомъ постановки «на мѣсто субъекта, объекта и

---

[1]) Нѣкоторые ученые (ср. напр. Horwicz, l. c., I, 242) считаютъ *дѣйственныя* дремы только болѣе интенсивною формою сновидѣній, но при этомъ забывается различіе сенсорныхъ и моторныхъ центровъ мозга. Движенія лунатиковъ совершаются напр. при помощи мотор. центровъ спиннаго мозга, ср. Luys, Recherches etc., p. 451.

[2]) И Карпентеръ называетъ разговоръ во снѣ (sleep-talking) переходною ступенью (gradational transition) отъ обыкновенныхъ дремъ къ сомнамбулизму, ср. l. c., p. 591. Wundt же, говоря и о „чисто-сенсорныхъ“ дремахъ считаетъ „разговоръ“ просто „моторнымъ“ явленіемъ, Phys. Psych., p. 189.

[3]) ср. Perty, Myst. Ersch., I, p. 73.

[4]) Das Leben d. Traums, p. 138.

предиката» [1]) совершенно произвольныхъ и не связанныхъ никакой внутреннею связью понятій (Schablonen-Traume); случайность комбинацій имѣетъ послѣдствіемъ полную безсмысленность, оттого аналогія съ бредомъ помѣшаннаго (также irrsinnige Traume), 2) сновидѣнія, слетающіяся на основаніи различныхъ законовъ ассоціаціи (Associationstraume), 3) сновидѣнія, составляющіяся изъ слетенія нѣсколькихъ фактовъ, особенно поразившихъ насъ на яву (оттого markirte Traume), 4) сновидѣнія первнаго происхожденія (Nervenreiz-Traume), образующіяся изъ органическихъ первныхъ раздраженій, 5) чувственные сны (Sinnestraume), имѣющіе источникомъ чувственныя впечатлѣнія, 6) сновидѣнія, вытекающія изъ душевныхъ настроеній (Stimmungstraume), 7) аффектныя сновидѣнія (Affecttraume), имѣющія основаніемъ аффекты, 8) сны, отличающіеся элементомъ фантазіи (Phantasietraume), 9) сновидѣнія, вытекающія изъ мышленія (Denktraume), 10) сновидѣнія, сопровождаемыя признакомъ дѣйствія или хотѣнія (die handelnden oder die Willens-Traume), 11) сновидѣнія—предчувствія (Ahnungstraume) [2])

Прежде всего эта классификація страдаетъ главнымъ недостаткомъ бо́льшей части классификацій — отсутствіемъ общей идеи, несоизмѣримостью элементовъ. Психологическіе признаки смѣшаны съ нравственными (11); однѣ группы обозначаютъ генесисъ, другія логическій смыслъ явленій (1) и т д. Затѣмъ въ основу разныхъ категорій ставятся столько же родовыя, сколько и видовыя отличія. Напр. отношеніе 4-й и 7-й группъ родовое, 2 и 3, 4 и 5, 6 и 7 видовое. Вслѣдствіе этого классификація Шернера требуетъ серьёзной повѣрки, и прежде всего надо начать съ вопроса, правильно ли ея основаніе, можно ли дѣлить сновидѣнія по «психическимъ силамъ». Самъ Шернеръ сознается, что бо́льшая часть дремъ составляется изъ сочетанія дѣятельности *различныхъ* факторовъ (Bildungskräfte) [3]); но тѣмъ не менѣе, по его мнѣнію, можно всегда опредѣлить, гдѣ центръ тяжести, какой факторъ преобладаетъ (die a priori wirksame, resp. die wesentliche Bildungskraft). Противъ этого мы можемъ возразить только, что *не во всѣхъ случаяхъ* является непремѣнно преобладаніе *одной* силы надъ *другими*. A priori возможно представить себѣ и такіе случаи, гдѣ всѣ факторы находятся въ гармони-

---

[1]) l c., p. 140.

[2]) l. c., p. 140—374. Опредѣленіе характерныхъ особенностей отдѣльныхъ группъ, стр. 140, 144, 158, 162, 225, 236, 243, 254, 301, 308, 322.

[3]) ib. p. 139. Maury тоже говоритъ, что невозможно, чтобъ однѣ умственныя способности могли совершенно спать, другія бодрствовать, ср. l. c., p. 35 и 36.

ческомъ взаимодѣйствіи, или гдѣ преобладаніе такъ незначительно, что его нельзя замѣтить. Вслѣдствіе этого первое различіе касается общаго свойства отношеній между слагающими, и въ этомъ смыслѣ сновидѣнія могутъ быть 1) неопредѣленными или *безхарактерными* 2) опредѣленными или *характе́рными.* Первыя, представляя болѣе или менѣе равномѣрное сложеніе всѣхъ факторовъ, не могутъ быть дробимы на новыя категоріи. Вторыя, напротивъ, можно различать по преобладающему ингредіенту. Но въ этомъ различеніи надо быть осторожнымъ и не смѣшивать родовыхъ признаковъ съ видовыми, соблюдая единство плана. Мы отмѣтили выше три категоріи факторовъ, изъ которыхъ слагаются сновидѣнія: 1) чувственныя воспріятія, 2) воспроизведенія памяти, 3) построительная работа воображенія. Ихъ участіе можно представить себѣ *неравномѣрно* распредѣленнымъ: чувственныя воспріятія могутъ быть слабѣе или интенсивнѣе, смотря по обстановкѣ, окружающей спящаго, или по состоянію его организма; воспоминанія могутъ быть ярче или темнѣе, смотря по состоянію мозга; тоже касается и построительныхъ операцій ума. Слѣдовательно, прежде всего можно отличать три категоріи характе́рныхъ дремъ: 1) преобладающій характеръ имѣетъ *чувственность·* чувственныя впечатлѣнія такъ интенсивны или такъ быстро слѣдуютъ другъ за другомъ, что относительно подавляютъ силу репродукціи и воображенія, 2) преобладающій характеръ имѣютъ *воспроизведенія:* репродукція совершается съ такой яркостью, полнотой или быстротой, что воспоминанія даютъ главный колоритъ сновидѣнію, чувственныя же впечатлѣнія и творческая дѣятельность отходятъ на второй планъ, 3) преобладающая роль принадлежитъ *творческой силѣ ума:* мысль, сосредоточенная на небольшой сферѣ представленій, дѣятельно занимается ихъ переработкой, пренебрегая вторгающимися въ эту сферу, и посторонними ей, репродукціями и чувственными впечатлѣніями. Каждая изъ этихъ трехъ группъ распадается на новые подвиды, такъ какъ каждый изъ упомянутыхъ факторовъ, при психологическомъ анализѣ, расчленяется на составные. Чувственныя впечатлѣнія дѣлятся на внутреннія и внѣшнія; репродукціи могутъ имѣть объективный или субъективный характеръ (идеи и чувствованія); построительная работа можетъ быть различаема по своему механическому или же органическому (логическому) характеру (фантазія и мышленіе). Вслѣдствіе этого *чувственно-характерныя* сновидѣнія дѣлятся на a) внутренне-чувственныя и b) внѣшне-чувственныя, смотря потому, какой источникъ въ нихъ преобладаетъ, *памятно-характерныя* на a) объективныя (интеллектуальныя) и b) субъективныя (аффективныя), *построительно-характерныя* на a) механическія (произвольныя) и b) логическія (консеквентныя). Каждое

изъ понятій, лежащихъ въ основѣ этой классификаціи, можетъ быть опять разсматриваемо въ своихъ дальнѣйшихъ психологическихъ элементахъ, и это даетъ перспективу новаго дробленія, уже третьей степени. Внутреннія и внѣшнія ощущенія группируются по различнымъ органамъ. Интеллектуальныя воспроизведенія различаются по способу образованія (законы ассоціаціи), чувствованія же по характеру волненій (пріятныя и непріятныя) и по ихъ интенсивности (настроенія, аффекты, страсти и т. д.) Наконецъ, настроенія воображенья—по свойству элементовъ, изъ которыхъ образуются (конкретныя и абстрактныя). Но такъ какъ всѣ эти расчлененія феноменовъ сознанія, при современномъ состояніи психологической науки, весьма шатки, то мы и воздержимся отъ приложенія ихъ къ классификаціи сновидѣній. Отмѣченныхъ крупныхъ категорій достаточно, чтобъ показать, по какому пути долженъ слѣдовать дальнѣйшій анализъ Главный принципъ группировки—единство точки зрѣнія, и еслибъ Шерперъ не нарушилъ его, то мы не могли бы ничего возразить противъ его попытки классификаціи [1]), такъ какъ нашими категоріями сенсорныхъ дремъ обнимаются всѣ классы, имъ отмѣченные, исключая перваго, десятаго и одиннадцатаго. Первый—фиктивный, такъ какъ и «безсмысленныя» сплетенья во снѣ всегда сводятся къ взаимодѣйствію какихъ нибудь впечатлѣній или репродукцій съ дѣятельностью фантазіи, хотя бы мы и не могли возстановить единицъ сложенія. Десятый долженъ быть отнесенъ въ нашей классификаціи къ разряду сенсорно-моторныхъ дремъ [2]). Одиннадцатый совершенно не подходитъ къ нашему шаблону, ибо предполагаетъ другую, никакъ не психологическую, точку зрѣнія: основа его въ особой метафизической гипотезѣ.

Этими замѣчаніями о классификаціи мы и закончимъ *теоретическій* анализъ сенсорныхъ дремъ и перейдемъ къ опредѣленію ихъ *практическаго* значенія въ жизни и въ наукѣ.

II.

Научная польза основательнаго изслѣдованія сновидѣній можетъ быть выражена немногими словами, такъ какъ по этому вопросу не

---

[1]) Она во всякомъ случаѣ полнѣе и разностороннѣе психологической же классификаціи Мэнъ де Бирана, ср. Perty, Myst Ersch, I, p. 74.

[2]) Къ этому разряду нельзя отнести только первый порядокъ Willensträume, упоминаемый Шернеромъ, а именно Willenstr. mit Scheinhandlungen (мнимыя дѣйствія), такъ какъ они состоятъ въ *пассивныхъ картинахъ* сознанія и распредѣляются, смотря по происхожденію, между названными классами сенсорныхъ дремъ, ср. Scherner, l. c., p. 310.

возможно разногласіе. Анализъ этого феномена можетъ представлять значительную важность для всѣхъ наукъ, заинтересованныхъ той или другой стороною психической жизни. На первомъ планѣ стоитъ конечно сама *психологія:* почти всѣ вопросы ея могутъ быть освѣщены означеннымъ анализомъ [1]). Какъ продуктъ искаженной воспріимчивости, многія сновидѣнія, подобно иллюзіямъ и галлюцинаціямъ, съ которыми они имѣютъ не мало общаго, могутъ пролить свѣтъ на процессы воспріятія, ибо ненормальныя отступленія всегда косвенно обнаруживаютъ основные законы обычныхъ феноменовъ. По тому же принципу, иныя сновидѣнія способны точнѣе выяснить ученому наблюдателю законы репродукціи и ассоціаціи. Теорія автоматической дѣятельности, теорія отношеній сознательной психической жизни къ безсознательной могутъ тоже удобно воспользоваться матеріаломъ дремъ, и т. д. *Физіологія* можетъ, при помощи сновидѣній, точнѣе опредѣлить состояніе органическихъ тканей во снѣ, не говоря о томъ, что и въ упомянутыхъ выше вопросахъ интересы этой науки такъ тѣсно переплетены съ интересами психологіи, что разграничить ихъ нѣтъ возможности. Въ *теоріи познанія* сновидѣнія могутъ дать обильный матеріалъ анализу основъ ошибочнаго мышленія, заблужденій ума. Наконецъ, признавая подобно Конту, основаніемъ исторіи человѣчества — исторію человѣческаго *ума* [2]), можно разсматривать сновидѣнія, какъ феноменъ, долженствующій интересовать также и *историка*: сновидѣнія, какъ мы видѣли, играли не маловажную роль въ развитіи человѣческихъ «понятій».

Этихъ образчиковъ достаточно, чтобъ установить несомнѣнность научной важности разбираемаго круга явленій. Гораздо сомнительнѣе практическій смыслъ сновидѣній въ *жизни*. Въ этомъ отношеніи имъ можетъ быть придаваемо троякое значеніе: 1) *нравическое*: сновидѣнія могутъ вліять на наше нравственное расположеніе и затѣмъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, способны разоблачать намъ наши нравственные недостатки, 2) *гигиеническое*, т. е. для здоровья, такъ какъ они открываютъ намъ, при вѣрномъ ихъ толкованіи, малѣйшія разстройства въ нашемъ организмѣ (оттого *патогномическое* значеніе, по Гильдебрандту) [3]) и могутъ служить предостереженіями противъ возможныхъ будущихъ

[1]) По мнѣнію Аберкромби, l. c., p. 224: there is much reason to believe that an extensive collection of authentic facts, carefully analysed, would unfold principles of very great interest in reference to the philosophy of the mental powers.

[2]) Comte, C. de philos. posit., P. 1869, t. IV, p. 460, понимаетъ l'histoire générale de l'esprit humain, comme guide naturel et permanent de toute étude historique de l'humanité.

[3]) l. c., p. 58.

болѣзней, 3) *діаноэтическое* или *гностическое* значеніе, такъ какъ сновидѣнія, вслѣдствіе «таинственнаго прозрѣнія души во снѣ» способны будто бы освѣщать намъ давнопрошедшія и будущія, а также недоступныя для насъ настоящія событія [1]). Разсмотримъ послѣдовательно, какъ долженъ относиться къ этимъ «значеніямъ» разумный психологъ.

Что касается до вліянія сновидѣній въ *нравственномъ* отношеніи, то прежде всего надо спросить себя, могутъ ли они имѣть значеніе *серьезныхъ мотивовъ* въ нашей духовной жизни на яву? Въ этомъ вопросѣ надо различать *прошедшую* человѣческую культуру отъ *настоящей* и *будущей*. Въ прошедшемъ сновидѣнія несомнѣнно часто играли роль весьма могущественныхъ двигателей. «Въ древности, говоритъ Гильдебрандтъ, они давали толчокъ великимъ подвигамъ и событіямъ; они были виновниками переселеній и военныхъ походовъ цѣлыхъ племенъ; они воодушевляли сражающіяся войска; они внушали одной сторонѣ надежду и храбрость, вселяли въ представителей другой—страхъ и ужасъ. Особенно же въ религіозной сферѣ они оказались дѣйствительною силою: дремлющіе жрецы и жрицы имѣли гораздо бо́льшее вліяніе на толпу, чѣмъ бодрствующіе философы съ своими умозрѣніями и системами» [2]). Противъ этихъ фактовъ нельзя ничего возразить; но разборъ ихъ болѣе подлежитъ вѣдѣнію историка, нежели психолога, такъ какъ все это—дѣла давно-минувшихъ дней. На политическую судьбу народовъ сновидѣнія уже не могутъ оказать, въ наше время, никакого дѣйствія. Можетъ быть, однако, они удержали свое значеніе въ *личной* жизни. Дѣйствительно, многіе случаи, извѣстные всякому изъ быта современнаго общества, дѣлаютъ это предположеніе достовѣрнымъ. Макнишъ разсказываетъ, какъ здоровье и умственныя способности (health and spirits) господина R—d пострадали отъ постояннаго вниманія, съ которымъ онъ, подъ впечатлѣніемъ одного сна, счелъ нужнымъ относиться ко всѣмъ ночнымъ видѣніямъ [3]). Далѣе всѣмъ извѣстно по опыту, какую тревогу порождаютъ иные сны въ суевѣрныхъ умахъ даже многихъ образованныхъ мужчинъ нашего времени, не говоря уже о женщинахъ. Сколько писемъ было написано и отправлено подъ впечатлѣ-

---

[1]) Perty выражетъ различіе этихъ трехъ эпохъ, къ которымъ можетъ относиться *ясновидѣніе* спящаго выраженіями: A. Träume, in welchen eben Geschehenes geschaut wird (III). B. Prometheische oder vorschauende Träume (II). C. Epimetheische oder rückschauende Traume (I). Myst. Ersch., II, ср. p. 357, 364, 390.

[2]) Hildebrandt, l. c., p. 5.

[3]) Macnish, l. c., p. 83.

ніемъ сновидѣній, сколько зажжено лампадъ и сдѣлано лишнихъ визитовъ знакомымъ и роднымъ, чтобъ освѣдомиться о ихъ здоровьи по случаю видѣнныхъ во снѣ картинъ. Стало-быть, нравственное вліяніе сновъ еще продолжается въ личной жизни многихъ и многихъ человѣческихъ *единицъ*; но не есть ли это фактъ патологическій? Люисъ говоритъ, что приходитъ въ печальное настроеніе подъ давленіемъ сновидѣній дѣло «слабыхъ характеровъ» [1]) Но главный источникъ тутъ не въ характерѣ, а въ предразсудкѣ, «въ невѣдѣніи законовъ природы», какъ выражается Макнишъ [2]). Возможно ли будетъ нравственное вліяніе сновъ, когда это невѣдѣніе разсѣется? Конечно, скажутъ намъ, потому что печальный сонъ, и безъ вѣры въ его силу, можетъ вызвать по законамъ ассоціаціи печальныя представленія и отозваться этимъ способомъ на настроеніи нашемъ [3]). На это мы отвѣтимъ, что въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, послѣдовательность еще не означаетъ причинной связи: печальное настроеніе, какъ и печальный сонъ должны быть сведены къ *одной общей* органической причинѣ, которая, и помимо сновидѣнія, могла вызвать дурное настроеніе духа Сновидѣніе никогда не является первоначальнымъ фактомъ, primum movens, а само представляетъ только продуктъ, выраженіе болѣе коренныхъ феноменовъ органической жизни. Слѣдовательно, когда суевѣріе разсѣется, изчезнетъ и непосредственное нравственное вліяніе на насъ сновидѣній.—Но можетъ быть возможно косвенное отраженіе ихъ на нашемъ нравственномъ строѣ, путемъ рефлексіи? Помыслы наши во снѣ, по мнѣнію Гильдебрандта, открываютъ сокровенные мотивы нашей дѣятельности на яву [4]), и потому сновидѣнія могутъ имѣть *симптоматическое* значеніе при нашей нравственной самоповѣркѣ. «Сновидѣнія въ среднемъ выводѣ (im Durchschnitt) представляютъ самый вѣрный *термометръ* нашей нравственности» [5]). Такъ думаетъ Гильдебрандтъ, такъ полагаетъ и Фолькманъ, говоря что сновидѣнія могутъ давать совѣты и указанія нашей *совѣсти*, нашептывая намъ наши секреты и служа зеркаломъ нашихъ убѣжденій [6]). Еслибъ дремы дѣйствительно были всегда отраженіемъ нашей нравственной личности, то оставалось бы только преклониться предъ ихъ

---

[1]) Luys, Le cerveau.., p. 156.

[2]) l. c., ib p 83: ignorance of natural laws.

[3]) cp Hildebrandt, l c., p. 57: Der Traum „versetzt in heitere, zuversichtliche Stimmungen.“

[4]) cp. l. c., ib p. 52

[5]) l. c., p. 54.

[6]) l. c., I. p. 412: онъ называетъ сновидѣніе Gewissensrath.

важными указаніями, но, къ несчастію, это исходное положеніе невѣрно. Самъ же Фолькманъ допускаетъ, что сновидѣнія часто «порицаютъ и воспрещаютъ то, что позволяетъ житейская практика и наоборотъ даютъ намъ то, въ чемъ сознательная жизнь отказываетъ или въ чемъ она предписываетъ мѣру» [1]). И это подтверждаютъ неопровержимые факты. Miss Cobbe, англійская писательница, высказавъ мысль, что во снѣ мы совершаемъ безъ малѣйшаго упрека совѣсти дѣла, изъ-за которыхъ пролили бы слезы крови, еслибъ они произошли въ дѣйствительности..., разсказываетъ нѣсколько любопытныхъ случаевъ въ доказательство. Извѣстный филантропъ, занимавшій въ теченіе многихъ лѣтъ высокіе юридическіе пóсты, часто производилъ во снѣ подлоги, о которыхъ жалѣлъ только по мнимомъ осужденіи на повѣшеніе. Одна дама, вся жизнь которой была посвящена обученію и воспитанію бѣдныхъ дѣтей, видѣла во снѣ, что она просунула одного изъ нихъ сквозь рѣшетку львиной клѣтки. Одинъ изъ добрѣйшихъ смертныхъ, M-r Richard Napier, «который нисколько не сочувствовалъ энтузіазму своихъ воинственныхъ братьевъ», видѣлъ сонъ, что онъ будто пронзаетъ мечемъ одного изъ своихъ лучшихъ друзей и радуется, увидѣвъ, что остріе прошло насквозь, чрезъ плечи его любимаго товарища [2]). Итакъ сновидѣнія совершенно не годятся, какъ критеріи нашей нравственной самооцѣнки, ибо часто прямо противорѣчатъ направленію нашей сознательной дѣятельности. Я уже не говорю о томъ, какъ безполезны были бы такіе ничтожные и неясные намеки, когда бы они и стали возможны,— наряду съ голосомъ сознательнаго самонаблюденія. Стало быть, ни въ какомъ отношеніи нельзя признать за дремами значенія пѳическаго.

Теперь коснемся вопроса о ихъ *гигіеническомъ* или *патогномическомъ* значеніи. Въ этомъ отношеніи современная физіологія повторяетъ, въ иныхъ выраженіяхъ только, мысли, высказанныя уже Аристотелемъ въ 1-й главѣ его сочиненія «о пророческомъ толкованіи сновъ». Но изъ его же словъ видно, что такое значеніе признавалось и до него, такъ какъ «разумные доктора (въ его время) считали нужнымъ обращать тщательное вниманіе на сновидѣнія» [3]); Аристотель только яснѣе формулировалъ основаніе подобнаго мнѣнія. Вотъ ходъ его мыслей: «Такъ какъ начала всѣхъ вещей ничтожны, говоритъ онъ, то ясно, что таковы и начала болѣзней и другихъ страданій, которыя готовятся

---

[1]) ib. I. p. 412.

[2]) ср. Carpenter, l. c, p. 586.

[3]) Περὶ τῆς καθ' ὕπνον μαντικῆς. Op. I, 463, a, 4: Λέγουσι γοῦν καὶ τῶν ἰατρῶν οἱ χαρίεντες, ὅτι δεῖ σφόδρα προσέχειν τοῖς ἐνυπνίοις.

въ тѣлѣ» [1]); но многія «движенія, происходящія (въ насъ) днемъ, если они незначительны и не сильны, скрываются въ тѣни болѣе значительныхъ, сопровождающихъ бодрствующее состояніе; во снѣ же наоборотъ: малыя движенія пріобрѣтаютъ значеніе большихъ, напр. нѣкоторые люди думаютъ, что видятъ молнію и слышатъ громъ подъ вліяніемъ маленькаго шума въ ушахъ; незначительное слюнотеченіе вызываетъ представленіе, что вкушаешь медъ и другіе сладкіе соки; ничтожное тепло близъ какихъ-нибудь частей тѣла заставляетъ думать, что идешь чрезъ огонь и вообще испытываешь сильный жаръ» [2]). Значитъ сновидѣнія, потенцируя органическія ощущенія въ тѣлѣ, могутъ быть указаніями, «на[illegible]ками того, что совершается въ немъ» [3]). Послѣ Аристотеля Галенъ [illegible] пытается поставить въ связь тѣ или другія видѣнія во снѣ съ *опредѣленными* болѣзнями, которыя они предзнаменуютъ [4]). Въ послѣдующее время наблюденія эти обогащались новыми фактами. По Силимаху, эпидемической лихорадкѣ, царствовавшей въ Римѣ, предшествовали аттаки кошемара; тоже замѣтилъ Сильвій Делебоа относительно пароксизмовъ лихорадки, свирѣпствовавшей въ 1669 г. въ Лейденѣ [5]). Въ началѣ 18 в. появилось сочиненіе Alberti «о ясновидѣніяхъ у больныхъ» (de vaticiniis aegrotorum), гдѣ говорится то же о значеніи сновидѣній въ этомъ смыслѣ [6]). Наконецъ, извѣстный физіологъ Эскироль создалъ терминъ *патологическихъ* сновидѣній, а Шернеръ въ своей книгѣ пытался привести въ систему всѣ органическія сновидѣнія (Nervenreiz-Traume), распредѣливъ ихъ по различнымъ органамъ, состояніе которыхъ они обнаруживаютъ; онъ даже пытался обобщить законъ, который управляетъ этими обнаруженіями; сновидѣнія этой категоріи выясняютъ вообще: мѣсто раздраженія въ организмѣ, устройство соотвѣтствующихъ органовъ и характеръ самыхъ процессовъ, ихъ аффицирующихъ [7]). Хотя можно весьма много возразить противъ всеоб-

---

[1]) l. c., ib. a, 18: ἐπεὶ μικραὶ πάντων αἱ ἀρχαί, δῆλον ὅτι καὶ τῶν νόσων καὶ τῶν ἄλλων παθημάτων τῶν ἐν τοῖς σώμασι μελλόντων γίνεσθαι

[2]) l. c., ib. a, 7: αἱ γὰρ μεθ' ἡμέραν γινόμεναι κινήσεις, ἂν μὴ σφόδρα μεγάλαι ὦσι καὶ ἰσχυραί, λανθάνουσι παρὰ μείζους τὰς ἐγρηγορικὰς κινήσεις. ἐν δὲ τῷ καθεύδειν, τοὐναντίον καὶ γὰρ αἱ μικραὶ μεγάλαι δοκοῦσιν εἶναι, etc.

[3]) ср. l. c., ib a, 4: изъ сновидѣній нѣкоторыя бываютъ σημεῖα, οἷον τῶν περὶ τὸ σῶμα γινομένων.

[4]) ср. Volkmann, l. c., I. p. 415, Anm. 3.

[5]) Macnish, l. c., p. 80.

[6]) Volkmann, ib. Anm. 3.

[7]) ср. Scherner, l. c., p. 163, также 115.

щаго значенія, какое ему придаетъ Шерперъ [1]), тѣмъ не менѣе повѣйшіе авторитеты физіологіи и психологіи, напр. Вундтъ и Штрюмпель, съ уваженіемъ отзываются о многихъ объясненіяхъ, данныхъ Шернеромъ [2]). Въ виду всего сказаннаго, нельзя не признать остроумнымъ предположеніе Гильдебрандта, выраженное впрочемъ съ осторожными оговорками, что впослѣдствіи доктора, при утреннихъ посѣщеніяхъ больного, ощупавъ пульсъ и осмотрѣвъ языкъ, будутъ спрашивать о содержаніи сновидѣній въ предшествовавшую ночь [3]).

Приступая къ анализу ученія о *діагностическомъ* значеніи сновъ, весьма естественно ученому повторить оговорку, которую дѣлаетъ Макниш вначалѣ подобнаго же анализа. «Это мнѣніе, говоритъ онъ, такъ непаучно (unphilosophical), что я бы пропустилъ его безъ вниманія, еслибъ оно не имѣло защитниковъ между людьми съ здравымъ смысломъ и образованіемъ» [4]). Русскому психологу достаточно въ этомъ отношеніи указать на Погодина [5]). По крайней мѣрѣ, чтобъ не тратить попусту словъ мы, не разбирая въ подробности самыхъ мистическихъ теорій о пророческомъ свойствѣ сновидѣній, укажемъ прямо и по возможности кратко на тѣ факторы, которыми эмпирическая психологія объясняетъ соотношенія и совпаденія сновъ съ дѣйствительностью, на которыхъ опирается суевѣріе публики. Замѣтимъ предварительно, что сновидѣнію съ древняго времени придается двоякое прорицательное значеніе: *теорематическое* и *аллегорическое*, по классификаціи Артемидора (ὄνειροι θεωρηματικοὶ καὶ ἀλληγορικοί) [6]). Одни сновидѣнія *прямо*, почти безъ измѣненій, рисуютъ событія, которыя намъ слѣдуетъ знать, другія въ формѣ *аллегоріи*. Психологическое объясненіе *совпаденій* сновъ съ дѣйствительностью касается, разумѣется, только «теорематическихъ» случаевъ; объ отношеніи науки къ «аллегоріи» сновидѣній мы скажемъ нѣсколько словъ впослѣдствіи.

---

[1]) ср. выше стр. 41, прим. 1. Онъ забываетъ напр., что выборъ символа зависитъ отъ индивидуальнаго характера и состоянія человѣка, считаетъ вслѣдствіе этого фантазію безошибочною и вездѣ одинаково схватывающею главный признакъ, уже не говоря о странномъ предположеніи, что сознаніе во снѣ можетъ узнавать строеніе частей и процессы органовъ, совершенно недоступныхъ ему на яву.

[2]) ср. Wundt, Physiol. Psychol, p. 657 (Anm. 1) и 658. Strümpell, l. c., pp. 117 и 118.

[3]) l. c., p 60.

[4]) l. c, p. 71.

[5]) Простая рѣчь о мудреныхъ вещахъ. Москва 1873.

[6]) ср. Buchsenschütz, Traum u. Traumdeut. im Alterth., p. 61.

Прежде всего скептики называютъ *случай*, какъ главную основу параллелизма всякихъ несоизмѣримыхъ явленій. Это понятіе встрѣчается уже у Аристотеля [1]). Осуществленіе нѣкоторыхъ сновидѣній опъ сравниваетъ съ тѣмъ «какъ еслибъ кому либо приключилось что нибудь, о чемъ онъ только что передъ этимъ вспомнилъ» [2]). Русская поговорка «легокъ на поминѣ» представляетъ обобщеніе одного ряда подобныхъ случайныхъ совпаденій. Но съ понятіемъ «случая» слѣдуетъ вообще обходиться осторожно. Нельзя отрицать того, что цѣпи событій весьма сложно и многообразно сплетаются, и что при этихъ сплетеніяхъ иногда встрѣчаются другъ съ другомъ звенья, имѣющія въ какомъ либо отношеніи связь между собою; но при толкованіи сновъ рѣдко приходится прибѣгать къ указанному понятію, въ виду дѣйствительнаго, *психологическаго* соотношенія сновидѣній съ фактами жизни [3]). Однако для ясности мы всетаки приведемъ примѣръ, который покажетъ, въ какомъ смыслѣ случай можетъ управлять совпаденіемъ дремной ассоціаціи съ опытомъ. Гильдебрандтъ разсказываетъ, что одинъ юноша во Флоренціи видѣлъ во снѣ, что былъ смертельно укушенъ каменнымъ львомъ, стоявшимъ въ преддверьи одной церкви города. Утромъ онъ пошелъ съ товарищами для шутки испытать судьбу, и, вложивъ руку въ пасть льва, былъ укушенъ скорпіономъ, отчего вскорѣ умеръ. Такъ какъ скорпіонъ вещь весьма обыкновенная въ южныхъ странахъ, а каменная щель—естественное мѣсто жительства всякихъ гадовъ, то очевидно, что сонъ былъ *случайнымъ поводомъ*, а не предвѣстіемъ событія [4]).

Второй, весьма важный факторъ—*невольное искаженіе*, которое имѣетъ мѣсто при сличеніи сновъ съ дѣйствительностью. Аберкромби выражаетъ ту-же мысль, говоря, что многіе разсказы получаютъ свой чудесный характеръ отъ украшенія и преувеличенія (embellishment and exaggeration) [5]). Дѣйствительно, еслибъ можно было снимать фотографическія изображенія съ нашихъ дремъ въ моментъ ихъ появленія, то

---

[1]) Онъ говоритъ, что сновидѣнія могутъ быть συμπτώματα τῶν γιγνομένων, l. c., p. 462, b, 27.

[2]) ср. ib. 463, b, 3: περὶ γαρ τούτων τον αὐτὸν τρόπον ἔχειν εἰκος, οἷον ὅταν μεμνημένῳ τινὶ περί τινος τύχῃ τοῦτο γινόμενον. τι οὖν κωλύει καὶ ἐν τοῖς ὑπνοις οὕτως; μᾶλλον δ'εἰκὸς πολλὰ τοιαῦτα συμβαίνειν.

[3]) Der Traum ist ein Stück Lebens, говоритъ Гильдебрандтъ, und fügt sich als solches organisch in den Verlauf des Gesammtdaseins ein. L. c., p. 42.

[4]) ib., l. c., p. 30 и 31.

[5]) l. c., p. 218.

эти картины, въ значительномъ большинствѣ случаевъ, оказались бы совершенно непохожими на тѣ сплетенія образовъ, которыя мы выдаемъ за сновидѣнія. Основаніе этому въ простомъ психологическомъ процессѣ. Сновидѣнія помнятся смутно,—происходитъ потомъ событіе, которое напоминаетъ намъ извѣстный сонъ; мы стараемся припомнить его подробности и не замѣчаемъ, что, припоминая, значительно перестраиваемъ картину.

Воображеніе дополняетъ тамъ, гдѣ недостаетъ звеньевъ, разрушаетъ лишнее, измѣняетъ нѣкоторыя частности, и въ результатѣ является, помимо всякаго намѣренія и сознательной воли, въ силу однихъ законовъ мысли, совершенно новое построеніе. Не замѣчая подлога, мы сначала обманываемъ себя, а потомъ и другихъ. «Многіе сны, говоритъ Фолькманъ, осуществились только благодаря тому, что дѣйствительность по своему исправила сновидѣніе (den Traum corrigirte)» [1]). Такой процессъ, повидимому, лежитъ въ основѣ слѣдующаго случая, разбираемаго Гильдебрандтомъ. Одинъ нѣмецкій миссіонеръ христіанства между Евреями видитъ во снѣ крупный разговоръ съ жидомъ, который кончается тѣмъ, что пасторъ сбрасываетъ его съ лѣстницы и дѣлается виновникомъ его смерти. Пока онъ разсказываетъ этотъ сонъ женѣ своей, входитъ Еврей-проситель, и миссіонеръ съ ужасомъ узнаетъ въ немъ свое видѣніе. Затѣмъ между ними дѣйствительно происходитъ крупный разговоръ, который однако кончается благополучнымъ удаленіемъ гостя, такъ какъ его собесѣдникъ, подъ вліяніемъ сновидѣнія, сдерживаетъ свой гнѣвъ. Любопытнѣйшимъ моментомъ представляется здѣсь для насъ не все содержаніе сна, взятое въ цѣломъ (оно объясняется, по мнѣнію Гильдебрандта, вѣроятнымъ предположеніемъ страстнаго темперамента пастора), а отождествленіе видѣннаго образа съ даннымъ объектомъ, которое, думаетъ нѣмецкій ученый, основывается на «однообразіи восточнаго типа», заставившемъ принять сходство за полное согласіе [2]). Итакъ совершенно та-же дѣятельность воображенія, которая строитъ дрему въ ея первоначальномъ видѣ, впослѣдствіи часто вновь перестраиваетъ картину. Къ этому надо прибавить, что искаженіе еще возвышается въ степени, при дальнѣйшихъ пересказахъ снова, и намъ извѣстны случаи, когда первые виновники *печатныхъ* сообщеній этого рода сами отказывались отъ сновидѣній, имъ приписанныхъ.

---

[1]) l. c., I, p. 414.

[2]) ср. Hildebrandt, l. c., p. 34.

Рядомъ съ *отрицательными* факторами, случая и невольной передѣлки дремъ, назовемъ нѣсколько *положительныхъ*, объясняющихъ совпаденія неопровержимыя, — когда сновидѣніе дѣйствительно, по всѣмъ внѣшнимъ признакамъ, представляется либо *предвидѣніемъ* будущаго, либо *освѣщеніемъ* туманнаго прошлаго. По мнѣнію Фолькмана «весьма мало ничего не говорящихъ сновидѣній, для того, кто умѣетъ ихъ толковать, и эскулапъ не единственное божество, которое все еще продолжаетъ посѣщать дремлющаго человѣка» [1]). Ф. хочетъ этимъ сказать, что не въ одномъ патогномическомъ смыслѣ сновидѣнія способны служить *законнымъ* звеномъ соединенія моментовъ жизни,—предшествующаго сну и слѣдующаго за нимъ. По его предположенію, предсказательное значеніе (prophetische Bedeutung) дремъ исчерпывается пятью различными пунктами. Во снѣ 1) истолковываются темныя органическія ощущенія, какъ симптомы приближающихся болѣзней; 2) слѣдуютъ дальнѣйшему развитію заключенія по законамъ пропорціи и аналогіи, не доведенныя до конца въ эпоху бдѣнія; 3) выводятся заключенія изъ посылокъ, бывшихъ разъединенными на яву; 4) автоматически быстро даются отвѣты на мимолетныя, ясно отпечатлѣвшіяся воспріятія (какъ напр., еслибы кто нибудь подъ вліяніемъ дѣйствительнаго впечатлѣнія, оформеннаго въ образъ покойной невѣсты, явившейся предостеречь противъ грозящей опасности, оставилъ во́ время комнату, въ которой рушится потолокъ); 5) образуются настроенія, отражающіяся на нашей сознательной дѣятельности [2]). Изъ этихъ категорій послѣдняя повидимому несогласна съ положеніями, къ которымъ мы пришли при анализѣ нравственнаго значенія дремъ. Но мы отрицали только серьозное вліяніе сновидѣній на наши чувства и аффекты. Признавъ въ свое время возможность образованія во снѣ новыхъ построительныхъ ассоціацій, т. е. новыхъ идей, мы тѣмъ самымъ должны допустить, что эти новыя идеи, представъ сознанію нашему, хотя бы черезъ нѣсколько мѣсяцевъ или лѣтъ послѣ эпохи ихъ дремнаго зарожденія, способны оказать вліяніе на новыя комбинаціи нашихъ представленій на яву и этимъ самымъ косвенно отразиться и на сознательной дѣятельности нашей. Стало быть, пятый пунктъ Фолькмана мы признаемъ, но только въ нѣсколько иной формѣ: можно говорить объ *интеллектуальномъ* дѣйствіи сновидѣній. Изъ прочихъ категорій вторая, третья и четвертая представляютъ значительную аналогію; во всѣхъ трехъ случаяхъ рѣчь идетъ

---

[1]) l. c., I, p. 412.

[2]) cp. ib. I, p. 416, Anm. 7.

о той *проницательности* дремлющаго ума, которую мы въ свое время объяснили сосредоточенностью и односторонностью мыслительныхъ актовъ во снѣ. Въ виду этого означенные пять пунктовъ мы сведемъ къ тремъ: 1) потенцированіе органическихъ ощущеній, 2) потенцированіе дедуктивной работы ума (способности къ вѣрнымъ умозаключеніямъ), 3) образованіе новыхъ ассоціацій, вліяющихъ иногда на ходъ мыслей на яву. Этими тремя причинами объясняется возможность *оправданія* сновидѣній ходомъ *будущихъ* событій. Съ другой стороны потенцированная во снѣ репродукція—усиленное, тоже въ силу односторонности, воспроизведеніе *слѣдовъ* прошлой жизни въ умѣ, объяснятъ чудесное для многихъ освѣщеніе *прошедшихъ* событій въ дремномъ состояніи. Пояснимъ свои положенія примѣрами.

О механизмѣ образованія сновидѣній съ органическими симптомами мы уже говорили выше. Замѣтимъ только въ дополненіе сказанному, что не всегда органическія ощущенія представляются сознанію въ ихъ непосредственномъ видѣ; иногда воображеніе облекаетъ ихъ въ особыя *символическія* сочетанія идей. Перти разсказываетъ, какъ одна дама передъ приближеніемъ каждой болѣзни видѣла во снѣ образъ своего доктора [1]). Очевидно смутныя ощущенія разстройства въ ея организмѣ облекались въ представленіе о докторѣ точно также, какъ какое нибудь чувство, напр. чувство радости на яву иногда мгновенно облекается въ конкретное воспоминаніе какихъ нибудь прошлыхъ событій, умершихъ друзей, забытыхъ мѣстъ, вообще всей обстановки прошлаго счастья.

Заключенія спящаго ума по законамъ *вѣроятности*, которыя оправдываются послѣдующими событіями, представляютъ обыкновенную разгадку бо́льшей части исполняющихся сновидѣній. Къ этой рубрикѣ относится извѣстный «вѣщій сонъ» Ломоносова, разсказанный между прочимъ у Погодина. Ломоносову приснилось, что отецъ его погибъ на необитаемомъ островѣ Ледянаго моря, къ которому въ молодости онъ самъ вмѣстѣ съ отцемъ былъ однажды принесенъ бурею. По наведеннымъ справкамъ оказалось, что дѣйствительно около этого времени послѣдній пропалъ безъ вѣсти, а при розыскахъ тѣло его было найдено на томъ самомъ островѣ [2]). Не имѣя возможности провѣрить точности всѣхъ этихъ показаній, мы можемъ однакоже предположить 1), что сонъ Ломоносова былъ слѣдствіемъ безпокойства объ отцѣ,

---

[1]) l. c., II, p. 379.

[2]) Простая рѣчь о м. вещахъ, стр. 168.

о которомъ онъ долго не имѣлъ извѣстій, что́ естественно зависѣло въ свою очередь отъ совершившагося съ нимъ событія, и 2) что означенное безпокойство, по законамъ ассоціаціи, воскресило во снѣ старое воспоминаніе объ опасномъ мѣстѣ, на которое воображеніе спящаго гипотетически и помѣстило предполагаемую гибель: тѣ-же законы вѣроятности, которые были причиной этой гипотезы, оправдали ее́ и въ дѣйствительности. Весьма сходное толкованіе даетъ Аберкромби аналогичному происшествію съ однимъ шотландскимъ священникомъ. Послѣдній отправился однажды по дѣламъ въ Эдинбургъ изъ окрестностей, гдѣ жилъ. Въ городѣ онъ принужденъ былъ остаться ночевать, и тутъ ему приснилось, что домъ его загорѣлся, и одно изъ дѣтей находится въ опасности. Проснувшись подъ живымъ впечатлѣніемъ дремы, онъ въ безпокойствѣ спѣшитъ домой и находитъ все въ томъ видѣ, какъ ему снилось. Вотъ остроумное объясненіе этого случая, которое предлагаетъ Аберкромби. «Предположимъ, говоритъ онъ, что у этого джентельмена была служанка, которая обнаруживала многократно свойство, неосторожно обращаться съ огнемъ и часто рождала въ умѣ его опасенье, что произведетъ пожаръ въ домѣ. Его безпокойство могло быть увеличено (въ этотъ вечеръ) отсутствіемъ изъ дому, и это самое обстоятельство увеличило неосторожность служанки. Положимъ далѣе, что пасторъ передъ сномъ къ умноженію своей тревоги вспомнилъ, что въ этотъ день былъ праздникъ въ его селѣ, на который служанка имѣла обычай ходить и откуда возвращалась въ нетрезвомъ видѣ. Совершенно естественно, что всѣ эти впечатлѣнія облелись въ сновидѣніе о пожарѣ, и что тѣже обстоятельства имѣли слѣдствіемъ исполненіе сна» [1]). Прибавимъ къ этому, что помѣщеніе, въ которомъ спало одно изъ его дѣтей, можетъ быть, было таково, что возбуждало серьезныя опасенія на случай пожара. Отсюда совпаденіе, происшедшее и въ этомъ отношеніи между сновидѣніемъ и дѣйствительностью.

Случаевъ, которые можно истолковать этимъ пріемомъ, весьма много. Сюда относятся почти всѣ предполагаемыя предсказанья во снѣ о болѣзни и смерти нашихъ родныхъ и друзей; объ опасностяхъ, грозящихъ намъ или нашимъ близкимъ; о вѣроятномъ исходѣ нашихъ частныхъ дѣлъ, или же какихъ нибудь политическихъ событій, о которыхъ случалось напр. грезить знаменитому Франклину, и т. д. [2]). Но нельзя,

---

[1]) Abercrombie, l. c., p. 214.

[2]) Еще нѣсколько образчиковъ этой категоріи можно найти у Abercrombie (ib) Макниша (l. c., p. 74), Гильдебрандта (разсказъ о Симонидѣ, l. c., p. 29 и сл.), наконецъ у Перти (ср. напр. случай съ Цицерономъ, l. c., II, p. 366).

не замѣтить, что еще значительно больше случаевъ, когда подобныя сновидѣнія остаются безъ исполненія, и нельзя не сожалѣть, что никто ихъ не записываетъ и не придаетъ имъ никакого значенья. «Въ дѣтствѣ, обладая большою впечатлительностью, разсказывалъ мнѣ одинъ знакомый, я часто въ періоды болѣзни нѣжно-любимой матери своей, видѣлъ страшные сны, въ которыхъ мнѣ живо представлялась ея смерть и даже похороны; повторялось это не разъ, и не два, а разъ десять и, слава Богу, эти построенія воображенія, основанныя на теоріи вѣроятности, не оправдывались въ дѣйствительности, и моя мать жива и здорова и теперь, когда эти кошмары представляются смутнымъ, далекимъ воспоминаніемъ.» Аберкромби передастъ еще болѣе любопытный случай, когда сновидѣнія подобнаго содержанія представились въ туже ночь матери и далеко отъ нея жившему сыну, оставшись однакоже безъ всякихъ послѣдствій [1]). Большую услугу ученому оказалъ бы собиратель такихъ разсказовъ.

Мы говорили далѣе, что *ассоціаціи*, возникающія во снѣ, могутъ оказать вліяніе на ходъ событій въ сознательной жизни, и этимъ путемъ получить фиктивный предвѣщательный смыслъ. Это принципъ *интеллектуальной реакціи* сновидѣній на волю. Аберкромби разсказываетъ, какъ одинъ англійскій офицеръ видѣлъ во снѣ, что находится на вершинѣ Этны, пытается спуститься въ кратеръ вулкана, но скользитъ и падаетъ въ необъятную пропасть. Конечно такая дрема была результатомъ какого нибудь разговора или чтенія о вулканахъ или о Сициліи, въ связи съ органическими ощущеніями въ легкихъ и т. д. Но вотъ черезъ десять лѣтъ этотъ сонъ отчасти исполняется. Попавъ съ полкомъ въ Сицилію, офицеръ однажды отправляется съ товарищами на осмотръ Этны; тамъ ему является мысль спуститься въ кратеръ, и онъ, вмѣстѣ съ однимъ спутникомъ, при значительныхъ препятствіяхъ и опасностяхъ, благополучно совершаетъ рискованную экспедицію. Послѣ онъ вспомнилъ свой прежній сонъ и удивлялся ему тѣмъ болѣе, что, по наведеннымъ справкамъ, не только самая экспедиція оказалась совершенною впервые, но и самая мысль о ней ему первому пришла въ голову [2]). Намъ кажется, что нѣтъ надобности въ данномъ случаѣ,

---

[1]) l. c, p. 216: „nothing unusual happened to any of the parties;—the singular dream must have originated in some strong mental impression which had been made on both individuals about the same time; and to have traced the source of it would have been a subject of great interest.“

[2]) Abercr., l. c., p. 211—213.

вмѣстѣ съ Аберкромби, прибѣгать къ понятію «какого-нибудь *простого* совпаденія» (some *natural* coincidence), такъ какъ дѣло гораздо лучше объясняется тѣмъ фактомъ, что мысль, однажды прошедшая чрезъ сознаніе наше, хотя бы и во снѣ, легко можетъ возникнуть снова, когда явилась потребная для того ассоціація. Весьма возможно, что тѣмъ же принципомъ реакціи объясняется и вѣщій сонъ Карамзина, приводимый Погодинымъ [1]). Во время безнадежной болѣзни своей первой жены, Карамзинъ видѣлъ во снѣ, что стоитъ у вырытой могилы ея, а «по другую сторону стоитъ Екатерина Андреевна (на которой онъ послѣ женился) и черезъ могилу подаетъ ему руку». Такой сонъ могъ произвести глубокое впечатлѣніе на умъ и повліять на теченіе будущихъ событій. Впрочемъ это совпаденіе можетъ также удобно быть приписано случаю или быть объяснено предъидущимъ принципомъ, т. е. заключеніемъ ума по законамъ вѣроятности.—Мы употребили выше выраженіе «принципъ интеллектуальной реакціи». Но, если на судьбу скептиковъ сновидѣніе можетъ оказать вліяніе только этимъ путемъ, то не слѣдуетъ забывать однакоже, что въ наше время скептики—меньшинство: преобладаютъ суевѣрные. Вслѣдствіе этого рядъ вѣщихъ сновидѣній можетъ быть *пока* объясняемъ и сознательной реакціей ихъ на волю чрезъ посредство чувства, аффекта, настроенія, хотя она и представляетъ собою патологическое явленіе. Пульхерія Ивановна, старосвѣтская помѣщица, стала чахнуть, послѣ того какъ черный котъ перебѣжалъ ей дорогу, главнымъ образомъ въ силу *вѣры*, что черный котъ предсказываетъ близкую смерть. Это фактъ, который не подлежитъ сомнѣнію, хотя бы мы и признали Пульхерію Ивановну за типъ болѣзненный въ нравственномъ отношеніи. То-же можно сказать и относительно тѣхъ случаевъ, когда кто-либо видитъ во снѣ, что умретъ въ извѣстный годъ, день или часъ, и дѣйствительно умираетъ въ данное время, подъ психическимъ давленіемъ суевѣрнаго страха [2]).

Чудесное освѣщеніе *прошедшаго* во снѣ объясняется, какъ я сказалъ, воспроизведеніемъ во снѣ *воспоминаній*, давно исчезнувшихъ (въ силу своей слабости) изъ сознательныхъ помысловъ человѣка. Подобныхъ случаевъ можно привести весьма много Liébeault разсказываетъ, что

---

[1]) Простая рѣчь, стр. 170.

[2]) ср. Perty, l. c., II, p. 375: Ein Student in Halle, im Traume auf einem Leichenacker umhergehend, sieht unter den Leichensteinen einen mit seinem eigenen Namen und Vornamen u dem Tage seines Todes.... Er nahm es, erwacht, für das laufende Jahr und starb an dem bezeichneten Tage.

одна его кліентка видѣла во снѣ, что она тонетъ, и что ее спасаетъ одинъ господинъ, котораго имя кто-то при этомъ произнесъ. Запомнивъ черты лица и фамилію воображаемаго спасителя, эта дама была очень удивлена, когда встрѣтила своего героя черезъ нѣсколько лѣтъ и оказалось, что его имя дѣйствительно Olry. Она была убѣждена, что совершилось чудо. «Между тѣмъ, говоритъ Liébeault, случай объясняется просто: дама эта вѣроятно когда нибудь прежде знала означеннаго господина (по лицу и по фамиліи), такъ какъ онъ жилъ отъ нея только въ 12 километрахъ разстоянія, и во снѣ оживилось въ памяти его имя, а также черты лица, которыя неспособно было воспроизвести вниманіе на яву, вслѣдствіе своей малой сосредоточенности (faute d'être accumulée)» [1]). На томъ же основаніи, вѣроятно, сынъ Данте, послѣ долгихъ поисковъ, нашелъ XIII пѣснь Paradiso въ томъ самомъ мѣстѣ, которое привидѣлось ему во снѣ [2]). Аберкромби такимъ же воспроизведеніемъ забытыхъ впечатлѣній объясняетъ случай съ банкиромъ, который не могъ на яву припомнить моментъ, когда бы онъ не записалъ выданныхъ имъ денегъ, а во снѣ ясно припомнилъ давнишній эпизодъ съ однимъ заикой, которому онъ не въ очередь выдалъ 6 ф. стерлинговъ, потомъ позабытые и причинившіе равносильный дефицитъ въ итогѣ [3]). Точно также одинъ господинъ долго доискивался какихъ то дѣловыхъ бумагъ своего отца, пока во снѣ не явился ему послѣдній и не указалъ имя и мѣсто жительства того повѣреннаго, которому онъ ихъ отдалъ на храненіе [4]). Возможно, «что джентльменъ слышалъ объ этихъ обстоятельствахъ отъ своего отца, но совершенно забылъ ихъ, пока частое и сильное напряженіе ума надъ предметомъ.... не вызвало наконецъ во снѣ ассоціаціи, которая объ нихъ и напомнила» [5]).

Мы конечно не имѣли намѣренія въ предъидущемъ дать полное перечисленіе *всѣхъ* пріемовъ, какими возможно объяснять теоремати-ческое значеніе сновъ Мы указали только на тѣ, которые пришли намъ въ голову, и думаемъ, что ихъ достаточно, чтобъ показать направленіе, какого долженъ держаться психологъ, и какое слѣдуетъ рекомендовать здравому смыслу всѣхъ людей вообще. Будемъ надѣяться, что наука когда нибудь найдетъ средство болѣе точно и полно выяснить

---

[1]) Liébeault, l. c, p. 47 et 48.
[2]) Perty, l. c., II, p. 390.
[3]) l. c, p. 204.
[4]) Macnish, l. c., p. 81 и Abercr., l. c., p. 207
[5]) Abercr., l. c.. p. 209.

механизмъ всѣхъ самыхъ сложныхъ и теперь, можетъ быть, неразложимыхъ сплетеній дремъ съ дѣйствительною жизнію, ибо несомнѣнно, что много остается сновидѣній, «которыхъ происхожденіе, по выраженію Штрюмпеля, еще фактически не можетъ быть сведено къ ихъ условіямъ и поводамъ» [1]).

Относительно такъ называемыхъ *аллегорическихъ* сновидѣній достаточно нѣсколькихъ словъ. «Сны, говоритъ Перти, указываютъ часто *иронически* на прямо обратное тому, что́ должно случиться; такъ напр., когда день смерти предзнаменуется днемъ рожденія или торжествомъ обрученія, когда слезы предвѣщаютъ удовольствіе, веселье—печаль, гробъ—свадьбу,.... грязь—деньги, цвѣтущія лилии—презрѣніе» [2]). Можно думать поэтому, что принципъ *противуположности* руководитъ аллегоріей. Но оказывается, что предсказанье иногда совершается по принципу *аналогіи*; такъ напр. терпія означаютъ препятствіе, перлы—слезы, мутная вода—горе, гладкій ледъ—опасность, ночь—безпокойство и т. д. [3]). На чемъ же основано право толковать данный сонъ по одному принципу символики, а не по другому? «На чемъ основано, наконецъ, право, говоритъ Гильдебрандтъ, разсматривать вообще данный образъ, какъ одинъ только *символъ*, а не какъ самостоятельный фактъ, самъ по себѣ имѣющій смыслъ? Едва ли нужно замѣчать, что, при такомъ способѣ толкованія, дается полный просторъ *произволу*» [4]). Къ этому разсужденію ничего нельзя прибавить. Притомъ всѣ доводы окажутся слабыми для тѣхъ лицъ, которыя вѣрятъ заявленію народнаго Сонника, что «арбузы видѣть во снѣ означаетъ препятствіе, а ѣсть ихъ во снѣ означаетъ непріятное приключеніе».

Мы видѣли, м. г., что наука находится въ нѣкоторомъ разладѣ съ тѣми взглядами на разбираемый нами феноменъ, которые теперь еще преобладаютъ въ нашемъ практическомъ быту. Явленіе сновидѣній представляетъ, дѣйствительно, одинъ изъ любопытныхъ образчиковъ вѣчно продолжающейся борьбы науки съ жизнію. Спросимъ себя, въ заключеніе всего сказаннаго, какой историческій смыслъ имѣетъ эта *борьба*, какова ея цѣль и гдѣ ея предѣлы? На этихъ общихъ соображеніяхъ всего лучше отдохнетъ умъ, утомленный многими скучными подробностями предъидущаго анализа.

---

[1]) l. c., p. 97.
[2]) L. c., II, p. 357.
[3]) ср. Perty, ib., I, p. 73.
[4]) l. c., p. 35.

Мы часто слышимъ тревожный вопросъ: неужто задача науки *систематически* разрушать тѣ сладкія убѣжденія, съ которыми мы сжились съ дѣтства и которыя кладутъ поэтическій оттѣнокъ на простѣйшія событія нашей жизни? Многіе склонны приписывать наукѣ какое-то демоническое значеніе—разрушительницы всего прекраснаго и добраго. Но не въ наукѣ дѣло, м. г. Наука—только слѣпое орудіе неумолимыхъ законовъ развитія. Мы *сами*, развиваясь, ежечасно становимся убійцами нашего прошлаго. Какъ интересы юности отодвигаютъ на второй планъ интересы дѣтства, интересы зрѣлаго возраста губятъ интересы молодости, такъ и въ судьбѣ каждаго народа и всего человѣчества въ цѣломъ, имѣющихъ тоже свои неизмѣнные возрасты, каждый новый періодъ становится отрицаніемъ и забвеніемъ предъидущаго. Можетъ быть, и современная упорная борьба науки съ предразсудками всякаго рода знаменуетъ собою вступленіе человѣчества въ новую фазу развитія. Извѣстный основатель позитивной философіи, Огюстъ Контъ, высказалъ предположеніе, что въ исторіи можно отмѣтить три главныя эпохи развитія: эпоху *теологическихъ* ученій, *метафизическихъ* теорій и *положительныхъ* изслѣдованій. Теперь—думалось Конту, человѣческая мысль достигла пристани, къ которой стремилась, ставъ твердою ногу на почву *фактовъ*. Но не трудно замѣтить, что это ученіе односторонне, такъ какъ имѣетъ въ виду развитіе только одного *познающаго ума*, оставляя безъ вниманія всѣ прочіе факторы нашего духовнаго существованія. Узкую *логическую* группировку Конта полезно замѣнить болѣе широкой, *психологической*. Рядомъ съ мышленіемъ, познаніемъ, мы имѣемъ два другіе столь же могущественные принципа дѣятельности—*чувство* и *волю*. Всѣ три начала имѣютъ одинаковое основаніе управлять міромъ, по очереди получая перевѣсъ и господствуя. Если мы вникнемъ въ судьбу столько же отдѣльныхъ людей, сколько и различныхъ общественныхъ единицъ, то легко замѣтимъ, что смѣна этихъ трехъ силъ дѣйствительно вездѣ совершается въ опредѣленномъ, вѣчно тождественномъ порядкѣ.

Высшія проявленія воли, предполагая установившіяся убѣжденія, могутъ возникнуть только на почвѣ, подготовленной господствомъ мышленія. Мышленіе, предполагая чувственное знакомство съ окружающимъ міромъ и собственнымъ организмомъ, можетъ развиться только на развалинахъ господствовавшаго чувства.

Подобно тому, какъ отдѣльный психическій актъ всегда начинается съ чувства, осложняется мышленіемъ и заканчивается импульсомъ воли, такъ и каждая человѣческая личность въ первую эпоху жизни находится подъ властью чувства, инстинкта, страсти—это дѣтство и юность; во вторую эпоху создаетъ себѣ убѣжденія и правила—зрѣлый возрастъ;

въ третій періодъ, старость, пройдя время сомнѣній и колебаній, неуклонно слѣдуетъ внушеніямъ твердо опредѣлившейся воли. Тѣже неизмѣнные періоды можно подмѣтить въ развитіи общества, какъ крупнаго психическаго организма. Каждый народъ сначала живетъ страстями и аффектами—это вѣкъ *поэзіи*; за поэзіей слѣдуетъ проза умомъ и познаніемъ созидаемыхъ законовъ и учрежденій; а за симъ начинается самоувѣренное и стойкое проявленіе однажды выработаннаго народнаго характера. Конечно, дѣйствительность допускаетъ отступленія отъ этой линіи развитія; но чѣмъ сложнѣе организмъ, тѣмъ труднѣе исключеніе, ибо сложное явленіе носитъ характеръ преобладающихъ элементовъ. Поэтому самая сложная духовная единица—*человѣчество*, взятое въ цѣломъ, должно по необходимости слѣдовать въ развитіи своемъ правилу, а не исключеніямъ.

Какую же эпоху проходимъ мы нынѣ, какъ члены общечеловѣческой семьи?

Обнявъ однимъ взглядомъ исторію прошлаго, мы видимъ, что до послѣдняго времени царство страстей и инстинктовъ было самое сильное. Однако характеръ развитія нынѣшняго вѣка не даромъ заставилъ Конта провозгласить наступающее господство здраваго разсудка. Не гнѣвъ и ненависть руководятъ въ наше время бо́льшею частью войнъ и общественныхъ переворотовъ, а идеи справедливости, народности, просвѣщенія; не нравы и обычаи, продуктъ взаимоограниченія чувствованій, опредѣляютъ улучшеніе человѣческаго быта, а юридическія теоріи и механическія изобрѣтенія. Мы, стало быть, находимся на точкѣ поворота.

Россіи, м. г., и Славянскому племени вообще несомнѣнно предстоитъ своей молодой и сильной иниціативой принять живѣйшее участіе въ окончательной побѣдѣ новыхъ началъ жизни. Это доказали наши благія общественныя реформы послѣднихъ десятилѣтій. Это доказывается еще болѣе нынѣшней доблестной войной, которую мы ведемъ во имя высшихъ идей свободы и культуры.

Будемъ же надѣяться, что Русскій народъ останется вѣренъ своему историческому призванію и въ борьбѣ съ *предразсудками*, въ родѣ выше-разобранныхъ, выкажетъ столько же силы и стойкости, сколько выказываетъ въ борьбѣ съ грубыми варварами. Будемъ надѣяться, что онъ займетъ почетную роль въ подготовкѣ всего человѣчества къ вступленію въ *третью и высшую*, можетъ быть и весьма еще отдаленную, эпоху самосознанія, когда *гегемонія* на земномъ шарѣ будетъ принадлежать непоколебимой, вполнѣ свободной и разумной, *волѣ* и когда вѣра въ примѣты, а равно и въ таинственный смыслъ такихъ обыден-

ныхъ явленій, какъ сновидѣнія, сдѣлается столь же отдаленной традиціей, какъ въ наше время вѣра древнихъ въ Юпитера, Дельфійскій оракулъ и другія чудеса: только съ окончательнымъ падсніемъ суевѣвѣрія возможно торжество воли и разумной свободы.

БИБЛІОТЕКА
ТЕОЛОГИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ